

Татьяна КРАСНОВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *

ДЕВУШКА
С БУКЕТОМ

Женские истории

Татьяна Краснова
Девушка с букетом

«Центрполиграф»

2013

Краснова Т.

Девушка с букетом / Т. Краснова — «Центрполиграф»,
2013 — (Женские истории)

Варя Воробьева легко увлекалась, наделяя любимого мужчину достойными восхищения качествами. Два неудачных замужества немного отрезвили ее, но не отбили охоту вступить в новый брак. Все складывалось удачно: подруга детства познакомила Варю с интересным мужчиной. Олег Александрович Зотов заинтересовался Вариными картинами, а затем и самой художницей. Что и говорить, Зотов жених завидный – все у него есть и все продумано в жизни, но чего-то в нем не хватает, а тут еще Виктор Бояринов – странный человек, о котором в городе ходят самые противоречивые слухи, а Варю неудержимо влечет к нему...

Содержание

Незабудки на соломенной шляпке	5
Виноградная веточка	8
Засохший лист	11
Розы и гвоздики	15
Утиная трава	19
Лепестки мальвы	21
Двухцветные хвоинки	25
Белые розы и белые лилии	29
Приворотные травы	32
Розовая акация	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Александровна Краснова

Девушка с букетом

Незабудки на соломенной шляпке

Это было самое настоящее Большое Ухо. Варя поняла это, едва войдя в купе. Дрожал остывший чай в стакане, колыхалась занавеска на окне, за которым пролетали ночные деревья и редкие огни, а она, расположившись напротив попутчика и обменявшись с ним дежурным приветствием, говорила и говорила.

Сначала о том, как спешила на последнюю электричку, а ее отменили, и как же повезло с этим поездом, идущим через Белогорск, удалось уговорить проводника – и вам тоже, правда? Потом о том, как давно она не была дома и как неожиданно собралась на эти праздники – День России, четыре выходных, и как теперь рада. Потом пришлось объяснить, почему же она из дома уехала, а упомянув о втором муже, нельзя было не поведать о первом.

Первый раз Варенька Воробьева вышла замуж, как только окончила университет, и несколько лет купалась в счастье, ничего не замечая, даже того, что Андреев – хронический бабник. Когда же это обнаружилось, изумление сменилось ужасом, горем и, самое главное, брезгливостью. Потаскун был с позором выгнан. И Варя тут же снова вышла замуж, чтобы все вокруг, и, главное, Андреев, видели, как у нее все хорошо.

И ведь этот первый встречный оказался мужчиной почти сказочным: непьющий, некурящий, прилично зарабатывающий, да еще и набожный к тому же. Варя не сразу поняла, что с Богом-то как раз не все в порядке, тем более что второй муж был не каким-нибудь бритоголовым кришнаитом, а стандартным с виду христианином, и даже фамилия у него была поповская – Боголюбов. Когда же до нее дошло, что он состоит в какой-то секте, Варя пришла в такой ужас, что даже не стала разбираться, в какой именно. Но тихий Боголюбов с просветленным взглядом и проникновенным голосом раз за разом приходил за ней и в родительский дом, куда она умчалась вихрем, и на работу, караулил на остановке, убеждая вернуться. Преследования длились дольше, чем само замужество, и конца им не было видно. И когда Варенька узнала от знакомой о вакансии экскурсовода в Переславле-Залесском, то без раздумий махнула в чужие края, только и успев перед отъездом снова сделаться Воробьевой.

Попутчик внимательно слушал, не перебивая, не вставляя замечаний и не пытаясь перевести разговор на себя. И Варя увлеклась и говорила все быстрее, словно торопясь, что ее вот-вот остановят, и лишь иногда запиналась, вопросительно взглядывая на собеседника. Но тот только кивал. Она не ошиблась – это было идеальное Большое Ухо. Которое потом поедет дальше и все забудет, а ей зато теперь тем легче, чем больше она выплескивается. Варя и сама не ожидала, что в ней столько всего накопилось. Да ведь и намолчалась же она в этом Переславле! Два года без подружек, без семьи, вообще одна! Она представить не могла, что так получится. Казалось, наоборот, сейчас-то все и начнется – новое место, новые перспективы, новые знакомства, все новое. Но почему-то жизнь задалась монотонная: работа – дом – работа, друзей она не завела, ходить по вечерам оказалось некуда. И Варенька не только ни разу не вышла замуж, но даже просто никак не устроила личную жизнь!

А ведь пыталась! Пыталась и с подходящим соседом знакомиться, и даже с водителем маршрутки! Одного приглашала розетку чинить, другому два раза в день строила глазки по пути на работу и обратно. И когда коллега из информационного отдела предложил ей помочь купить компьютер, сразу согласилась, хотя никакой компьютер не был нужен, а только брешь в небогатом бюджете пробил. Они провели вместе несколько бурных вечеров: увлеченно обсуждали, выбирали, листали каталоги, потом коллега долго возился в ее комнате, подключая и

налаживая технику, потом обмывали попку – и этим все и закончилось. Это не был для мужчины повод познакомиться. Коллега просто подрабатывал. И Варенька осталась с компьютером вместо личной жизни.

Но попутчик узнавал совсем не об этом – перед ним разворачивались те же лучезарные, полные подлинной жизни картины, что и перед самой Варенькой в тот самый миг, когда герой ее романа попадал в ее поле зрения. Это было чистейшее вдохновение. С ней так было с детства. С тех самых пор, наверное, когда они с Леной, одноклассницей и лучшей подругой, прогуливались у озера, где гуляли все белогорские барышни и кавалеры. Просто зацепившись за кого-нибудь взглядом, Варя начинала представлять, как этот молодой человек вдруг к ней подходит, и как они знакомятся, и что друг другу говорят, и что будет дальше – весь захватывающий роман разворачивался перед ней в малейших подробностях. И если молодой человек в самом деле останавливался – а Варенька уже стала прелестной девушкой, черноглазой, нежно-белолицей, с ямочками на щеках и локотках – и в самом деле пытался познакомиться, она глядела на него с недоумением, потому что у нее с ним все уже было. Лена только смеялась – она прекрасно знала, что Варька не выделяется и ничего не изображает. Но картины, которые так ясно, так отчетливо возникали в ее голове, были живее, чем реальность, блестящие диалоги, которые она слышала, так отличались от банальных слов, жужжащих над ухом! И так трудно было переключить внимание на того, кто стоял перед ней, – блеклую копию того, настоящего.

В героях теперешних романов самым главным точно так же была та изначальная вспышка, из которой выстреливали, как серпантин, яркие ленты будущих событий, так что замирало сердце – и это не имело ничего общего ни с практически-бытовой, ни с физиологической стороной захвата подходящего мужичка. Эти иллюзорные знакомства были более подлинными, чем те, что происходили на самом деле, – особенно их безликие, скомканые окончания. Варя и комкала их, когда пересказывала Лене по телефону или сейчас попутчику, потому что о чем тут говорить – то ли дело о новом знакомом, с новым пылом! Лучшее, конечно, впереди! Главное – не устать ковать свое счастье! И верная Лена, и пассажир ночного поезда узнавали о немного смешном романтическом соседе, который не сводил с Вари глаз, поднимаясь и спускаясь по лестнице, специально задерживался у почтовых ящиков, искал повод познакомиться, и вот, наконец, у нее сломалась розетка... И о лихом водителе маршрутки, который картинно тормозил, завидев ее на полпути к остановке, и строил ей глазки...

Варя, не переставая говорить, сама удивлялась – она, оказывается, так популярна, у нее такая насыщенная жизнь! Станным при всем при этом было только ее прозябание в одиночестве – непривычное, непонятное, позорное и конечно же временное, от которого она теперь пытается сбежать. И куда – домой, в совсем маленький городишко, где все новости предсказуемы и заранее устарели, где бывшие одноклассники и не заглядывают на страничку «Одноклассники. ру», потому что и так постоянно сталкиваются на улицах. Это она знала точно – сколько раз лазила в Интернете, чтобы время убить. А потом звонила Лена и сообщала, что у кого и как... А впрочем, тут же нашлась Варенька, она не для разнообразия хочет домой, а просто соскучилась по дому, по папе. Соскучилась, понимаете?

Поезд резко затормозил, и посыпались Варины пакеты с покупками, за которыми она бегала по Москве до последнего, слетела с полки новенькая шляпа – соломенная, с шелковой лентой и голубыми незабудками – из-за нее она и опоздала. Из незакрытой сумочки покатились во все стороны мелочь и старинный пятак, который лежал там постоянно – к деньгам. Варенька подскочила, как мячик, и ойкнула, попутчик бросился все собирать, пробормотав что-то вроде: – Какая шляпа интересная...

И кажется, готов был слушать дальше. Вот этот заурядный тип как раз из тех, кто не пробуждает ни капли фантазии, мимоходом отметила Варя. О том, что с ним было бы, если бы... даже в голову не приходит... Но тут он встал и откланялся. То ли в вагон-ресторан собрался, то ли в туалет – какая разница, ей скоро выходить. Надеть шляпку или в темноте ее все равно

никто не увидит? Но она же такая новенькая! В пакете ее тоже никто не увидит! И Варя водрузила шляпку, тряхнув длинными черными локонами, кокетливо сдвинула на бочок, отдернула занавеску и повертелась перед отражением в оконном стекле.

На платформу она соскочила, любуясь своей легкостью – Варенька всегда была легконогой, несмотря на приятную полноту, прямо как Анна Каренина. Анна Каренина без Вронского и даже без ушастого Каренина. Но это никак не мешало ей любоваться своим легким шагом. Нет, жизнь не кончена в тридцать один год! Все впереди!

На платформе было темно, горел только один фонарь, но Варенька не успела струсить – она уже заметила папу, который ждал ее рядом с такси. Поезд уплывал вдаль вместе с Большим Ухом, а она сейчас окажется дома, по-настоящему дома!

Виноградная веточка

– Алё! Варь, это правда ты? Ты приехала? Вот молодец! На праздники?

– Как получится, у меня еще кусок отпуска есть вообще-то, – отвечала Варя, не понимая пока, с кем говорит, и изо всех сил стараясь сделать голос бодрим и осмысленным.

Но трубка догадалась:

– Ты, наверное, еще спишь? Извини! Я просто так обрадовалась, когда услышала, что ты вроде бы приехала, и сразу захотелось проверить... Погода только не особенно – холод, дождь, но все равно отдыхать ведь лучше, чем работать.

Варя, усиленно хлопая глазами, которые никак не раскрывались, посмотрела на часы. Конечно, еще только одиннадцать – такая рань, она собиралась спать до обеда! Когда только стало известно, что она уже здесь? Приехала ночью, никого не видела...

– А я утром пошла в магазин, а там мне Мурашова сказала – а ей ее сосед-таксист, когда утром здоровался, – а ему девушка-диспетчер, через которую твой папа такси вызывал. Она, кажется, с тобой в одном классе училась, и узнала и папу, и адрес, и поняла, что папа тебя собрался встречать, – тут же последовало объяснение.

Это Аня, с которой они несколько лет вместе работали в Белогорском музее, а Мурашова была их начальница. Все понятно. Сарафанное радио.

– Ну, как твои дела? – начались неизбежные расспросы. – Замуж вышла? – Но, поняв, что Варя все никак не проснется, Аня поспешила распрощаться, пригласив к себе: у музейщиков понедельник – выходной, и она весь день дома, можно посидеть поболтать.

Варя рухнула на подушку. Как же хорошо спать, привычно уткнувшись лбом в тумбочку! А дома никого, и знаешь, что никто не побеспокоит, и совершенно пока не знаешь, чем будет заполнен день, и он от этого как подарок. Это восхитительное утреннее незнание было самым главным в наступающих праздниках, которые при желании могли перетечь в отпуск, – и Варя погрузилась в дополнительное блаженство, как в подушку... как в облако...

Телефон опять взревел. Хорошо, папа предусмотрительно положил трубку на тумбочку, хоть вскакивать не приходится. А ведь мог бы догадаться и совсем отключить.

– Варька, привет! Вставай-вставай, дрыхнешь небось, знаю я тебя! Я сейчас в Москве, на ВВЦ, вокруг так шумят, ничего не слышу! А потом совсем времени не будет, вот я сейчас и звоню.

Это была Лена. Наверняка на какой-нибудь выставке или ярмарке – у нее своя фирма по ландшафтному дизайну, и она не пропускает никаких профессиональных сборищ. Кто-кто, а Лена знала о Варином приезде заранее, но раз она в Москве, значит, это на весь день, и встретиться сегодня вряд ли удастся. Варя даже взгрустнула.

– Ты как вчера добралась, нормально? Начала отдыхать? Погода только подводит, когда лето начнется, непонятно... А как сама? Замуж вышла?

– А что, есть варианты? – не растерялась на этот раз Варя. – Можешь что-то предложить?

– Конечно, потому и спрашиваю! – кричала Лена. – Может, уже не надо? Кандидатура – о-го-го! Я к твоему приезду подготовилась, не то что некоторые!

– Ой, а кто? А что? – заторопилась Варя, уразумев, что это не шуточки и подруга в самом деле подготовилась.

– Увидимся – и все узнаешь, – начальственным тоном отрезала Лена, – сейчас все равно не слышно ничего. Может, вечером, если я успею пораньше вернуться. Созвонимся!

Варя засмеялась и, перевернувшись на живот, уставилась в тумбочку. В полированной стенке отражалась очень даже симпатичная барышня, пикантно взъерошенная, с таким круглым, таким аппетитным плечиком – да что же пропадает такая красота! Кто-то должен увидеть это все и ахнуть! И кажется, так оно и будет прямо сегодня – сколько там осталось до вечера?

Можно покружиться по комнате: птички на обоях детских еще времен почти щебетали, полы цвета яичного желтка казались теплыми и залитыми светом, хотя солнца не было, их так и хотелось попробовать босой ногой. Но ноги сразу попали в тапочки, такие мягкие, такие меховые. В которых можно дотопать разве что до дивана, в крайнем случае – до кухни.

А на кухне – ее любимые обсыпные булочки с повидлом, на подоконнике – аккуратная стопка газет, папин «АиФ», как всегда, и местные – это тоже для нее. Под шапкой «Белогорские вести» крупный заголовок: «Растет и хорошеет наш край». Варя задумалась с кружкой кофе в руках.

С чего бы ему расти, родному краю? И каким образом? Первая мысль – Белогорск объединяют с Москвой. О-го-го! Жизнь начинает бурлить, открывается «Макдоналдс», тянут ветку метро. «Станция Белая Горка! Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Сосновый Бор». А может, их город ведет захватнические войны? Хорошо бы он тогда прирос какими-нибудь тропическими землями! Теплое море, острова, коралловые рифы... Все бы брали отпуск зимой и ездили наслаждаться. Это не то что двенадцать градусов за окном – спасибо, что тепла, плюс дождик, как сейчас. Хотя отдохнуть – в самом деле не работать.

Варя нисколько не была расстроена из-за ранних звонков и нахмуренного неба – это каким-то образом вписывалось в непредсказуемость предпраздничного утра. И потом, ее так все любят, всем так не терпится с ней поговорить! А горячий кофе, диван и осенняя погода – в самом этом сочетании пряталось еще что-то хорошее. Она догадалась почти сразу и догадке обрадовалась: настоящая осень, простуда и не надо идти в школу – вот что!

Как раз на этом самом диване, классе в пятом, она первый раз и увидела волшебные деревья. Ей, болящей, дали виноград, который быстро кончился, а оставшиеся веточки были точно такими же... если поставить их вертикально... как голые деревья за окном! И крошечная сморщенная виноградинка болталась, словно уцелевший листик! Варя быстро нашла картонку, пластилин и устроила из маленьких деревьев печальный облетевший сад и устелила его настоящими опавшими листьями, которые тут же насобирала, приоткрыв окно и опасливо оглядываясь, с железного подоконника. И нащипала ваты из диванной подушки и бросила на веточки первый снег. Мама, заглянувшая в комнату, ничего не сказала, только принесла учебники и домашнее задание, которое продиктовала по телефону Лена.

Но Варю было уже не остановить. Открытия шли одно за другим. Сначала она увидела, что отдельный листик выглядит как целое дерево, со стволом и кроной, причем каждый – как его родное дерево, и можно составить из них разноцветный лес или парк. Потом оказалось, что лепестки некоторых цветов – точь-в-точь крылья, и ее лес можно населить птицами и порхающими бабочками, полупрозрачными и трепетными. Потом она поняла, что в дело годятся еще и стебельки, хвоинки, семена, кленовые и липовые крылышки – любой растительный материал. И если на темно-синюю бумагу положить ярко-оранжевый цветок вроде георгина, под ним, в рядочек, несколько отдельных лепестков, а рядом – светлый изогнутый листик ландыша, то это будет уже расплавленное вечернее солнце, опускающееся в море, солнечная дорожка на волнах и летящий, подсвеченный парус. И эта картинка будет не такой, как нарисованная, а еще интереснее, а ее краски – еще живее, потому что вобрали в себя живое солнце.

Причем нарисовать то же самое было бы гораздо проще и быстрее – но Варя готова была часами передвигать по листу бумаги свои сокровища, дожидаясь, пока они расположатся тем самым единственным рисунком, который угадывает только она. Ей казалось, что этим чудодейством занимается она одна на целом свете, и, если не сделать картину, ее просто не будет – не появится же она сама собой. И умрут хрупкие засушенные лепестки, и превратятся в простой мусор ее травинки и веточки, как бесчисленные стебли и ветки в лесу, на дорожках, под ногами, под метлой дворника. Которые – все! – могли бы стать картинами, если правильно расположить их на бумаге... Тогда еще не было специальных книжек по этому виду искусства, но Варя готова была постигать все сама, ей не надо помогать – только бы не мешали!

– Опять горы пыли и мусора?! – грозно вопрошала мама. – Мы же договаривались! Рабочий стол – это святое место, и его надо содержать в чистоте!

И Варя кидалась за влажной тряпкой – грозные напоминания были все-таки лучше, чем уборка, которую, потеряв терпение, производила мама. Один раз Варя увидела, как она, помыв пол в ее комнате, с досадой встала перед столом, где конечно же все лежало так, как нужно было для работы, но выглядело как беспорядок, – и размашисто, той же половой тряпкой навела чистоту. И возражать было бесполезно – мама всегда точно знала, что кому следует делать, и Варя, помимо обвинений в нарушении договора об уборке, услышала бы, что она занимается ерундой, вместо того чтобы учить таблицу умножения или слова с непроверяемыми гласными – и таблица, и слова были крупно написаны на ватманских листах и развешаны по стенам.

Папа не противоречил маме, но и не присоединялся, и на таблицу умножения не указывал. Он незаметно откладывал для Вари куски обоев, оставшиеся от ремонта, сверлил в листе фанеры, под которым сушились растения, дырочки для вентиляции, потихоньку освободил для сушки место на чердаке и починил протекающую крышу. Папа, который никогда не приносил с работы даже карандаша, однажды чуть не попался на колхозном поле, где с риском для жизни обдирал кукурузные початки – листья, которыми они обернуты, были прекрасным фоном для картин из цветов. Газеты, нужные в больших количествах, чтобы перекладывать растения, сохнувшие под прессом, аккуратно складывались в стопочку на подоконнике. И складываются по сей день.

Варя еще раз фыркнула на «Растущий и хорошеющий край», глянула за окно – как будто уже не капает. А не забежать ли в самом деле к Ане? До вечера все-таки еще долго.

Засохший лист

Из зарослей шиповника выглядывали остроносые мордочки нераспустившейся сирени. Они так же недоуменно смотрели на Варю, как и Варя на них. Никогда такого не было, чтобы сирень в это время не зацвела! В мае Белогорск всегда клубился сиреневыми облаками всевозможных оттенков, в июне их сменяли белые и розовые волны шиповника. А сейчас Варя шла по абсолютно бесцветной улице, шла налегке, не считая зонтика.

Папку с файлами, купленную вчера в Москве, пришлось оставить дома. А ведь как предвкушались бесцельные летние блуждания с пощипыванием там и сям приглянувшихся цветков, веточек! С собой при этом обязательно должно быть несколько твердых папок – для нежных бутонов и мягких стебельков и для более грубых листьев и веток – иначе домой принесешь труху. А теперь получается, что все принадлежности, аппетитно пахнущие новеньким, за которыми она так вдохновенно бегала в лавку для художников, в канцтовары и прочие магазины, будут валяться дома, ненужные. И нежно-голубой крепдешиновый сарафан и соломенная шляпка – тоже. Не от холода же ее надевать. А серебристый плащ в такую хмарь казался просто серым.

Погода, о которой говорили с Варей обе подруги, была для нее не проходной темой, а самой главной. Лето кормит весь оставшийся год запасами материала. А если и дальше так пойдет, что запастись-то? И когда? Ни в дождь, ни после дождя растения не собирают.

В заплаканном парке зонтик пришлось раскрыть, потому что капало со всех деревьев, но небо неожиданно просветлело, и Варя зашагала бодрее, прикидывая, как срезать путь до Аниного дома. Аллея разбегалась на две дорожки, и на одной из них, на сыром асфальте, была нарисована мелом стрелка и крупно написано: ТУДА. Ну, туда так туда.

Ее обогнала женщина с прогулочной коляской, загорелая, несмотря на холод, одетая в бриджи и майку, на которой сзади написан целый текст, и Варя, ускорив шаг, прочитала:

«Большое спасибо, НО:

- мой ребенок любит возиться в грязи,
- ему не холодно,
- он делится игрушками, только когда сам этого хочет,
- он не хочет братика, равно как и сестричку,
- я прочитала очень много книг о воспитании детей».

Варя невольно зауважала независимую женщину, бесстрашно отрицающую весь мир, уже открывший рот, чтобы сказать ей что-то. Сама она, пожалуй, не решилась бы даже спросить у нее, сколько времени. Вполне вероятно, что прозвучит: я говорю, сколько времени, только когда сама этого хочу... я сейчас думаю о других вещах... я покупала часы совсем не для этого...

– Варька! Привет!

Дорожка и женщина с коляской привели ее на обширную детскую площадку с песочницей, разноцветными современными горками. Там копошились малыши в таких же разноцветных комбинезончиках. Молоденькие мамы и даже несколько папаш сбились в кучку. А перед Варей стоял Андреев и расплывался в своей фирменной, чуть плутоватой улыбке:

– Привет! Как дела? Замуж вышла?

За него цеплялся карапуз с плутоватой рожицей, не оставляющей сомнений в их родстве.

О том, что бывший супруг завел новую семью, папа Варе уже сообщал, а вот о появлении Андреева-второго почему-то нет. Или сам не знал, или пощадил ее самолюбие. Выходит, те два года, что она помиралась с тоски в Переславле, Андреев тут успешно размножился! Когда она сама сочеталась вторым браком, их счет стал один – ноль в ее пользу, а теперь два – ноль – в его!

– Что это ты тут возишься в песочнице? Ты же терпеть не можешь детей, – отбрила Варя. – Ты же их никогда не хотел!

– Ну, мало ли чего я говорил, – глазом не моргнул Андреев, – а ты бы взяла и родила, я б с твоим сейчас гулял.

Варя задохнулась по-настоящему и ничего не могла ответить, потому что это уже не было просто перебрасывание словами-мячиками. Выходит, элементарная порядочность – это то, над чем потешаются, и в семейной жизни надо было ловчить, вроде самого Андреева? Он шляется по выдуманным командировкам и врет про авралы на работе – а ей надо было подсуетиться и поставить его перед фактом, использовав ребеночка как ловушку, чтобы привязать муженька к себе... Варя беспомощно стояла на месте, не в силах ни придумать достойный ответ, ни развернуться и уйти, а Андреев еще и добил:

– Зря ты тогда погорячилась! Жили бы да жили, как все живут, нечего было придавать значение всяким пустякам. – Говорил он громко, просто потому, что никогда не умел разговаривать тихо, и женщины у песочницы стали коситься на них. – А знаешь, правду говорят, что первая жена – самая лучшая! Под присягой могу подтвердить! Надо нам с тобой...

– погоди, – оборвала его Варя и опустила на корточки.

В траве вздохнул, глядя на нее снизу вверх, скелетик прошлогоднего листа. Между его прожилками непонятно как уцелела истонченная, бесплотная серебристая ткань. Варя осторожно подняла его за ножку – он весь дрожал, но не рассыпался, видимо благодаря влажностности. Это было зимнее дерево – одинокое, съезженное, с просвечивающей паутиной тонких ветвей! К нему был нужен такой же одинокий, скудный белый фон – и больше ничего. Оно было самодостаточным и завершенным. Варя редко видела будущие картины вот так, сразу, обычно просто набирался материал, и уже из этой кучи-малы начинали наплывать идеи, фрагменты... Какой же он молодец, что долежал, дождался, все вытерпел – и сумел так на нее взглянуть, что и она его увидела!

– Ну-ка, дай сюда.

Она отобрала у растерявшегося Андреева газету и бережно вложила в нее находку. Ничего, другую купит.

– Варька, надо посидеть в интимной обстановке, отметить встречу! – орал вслед Андреев, не стесняясь мамаш в песочнице. – Не пожалеешь! Я тебе звякну!

Какой же мерзкий, наглый голос! И это от него у нее когда-то переворачивалось все внутри?! Это его она каждый раз, подбегая к телефону, надеялась услышать?! Это перед ним, энергичным, оглушающим – даже когда Андреев шептал! – не могла устоять?!

Варя неслась по аллее почти бегом. Анин дом – высокая светлая «подковка» – уже маячил впереди, но идти до него было на самом деле минут десять. Не хватало еще Боголюбова повстречать, которому тоже небось все мнится интимная обстановка: «Варенька, ты для меня как была женой, так и осталась, для меня все эти формальности ничего не значат»...

Десятиклассница Аня занималась в музейном кружке по искусству, когда Варя уже пришла в музей после университета работать. Потом Аня приходила на практику, и, поскольку она поступила в тот же университет на то же искусствоведение, им с Варей всегда было о чем поговорить.

Кружок с незапамятных времен вела Лариса Ивановна Мурашова. Варя тоже успела в нем позаниматься. Ее отвела туда мама, прихватив стопку Вариних картин.

Мама была человеком решительным и увлеченным. Она воспитывала дочь по системе Никитиных, которую проштудировала от корки до корки. Летом и зимой Варька должна была ходить по дому босая, обливаться холодной водой, делать гимнастику на шведской стенке, которую устроил папа. Читать она, кажется, умела всегда, и за ней зорко присматривали, чтобы не задерживалась на разглядывании картинок, а читала, не отлынивала. Таблица умножения

тоже была крепко вколочена в голову на ранних стадиях, хромая только на семь и на восемь – соответствующие ватманские листы висели на стенах чуть ли не до Вариного замужества. На кухне также висели английские неправильные глаголы и немецкие склонения. Спасения не было нигде. Мама размышляла, не заняться ли на опережение химией, и уже начала писать на ватманах формулы.

В школу Варька пошла даже не в шесть лет, а в пять – чего было держать такого продвинутого ребенка дома, тормозить его развитие? Учителя гордились чудесной девочкой, так же как и мама. И теперь Варя, помимо обязательных индивидуальных занятий, приходилось еще и готовить уроки, просиживая за детским письменным столиком. Его сделал папа, и за порядком на нем надо было строго следить: беспорядок вокруг человека отражает беспорядок в его мыслях. Иногда Варька печально оглядывалась из-за стола на диван с игрушками и один раз перехватила папин взгляд, который перехватывал ее взгляд. Кажется, он тоже был печальным.

Бабушка, как и папа, никогда не выражала сомнений в маминой системе воспитания. Варя только находила иногда конфетки в кармане пальто, по дороге в школу.

А после начальной школы все кончилось вместе с запасом знаний, которыми Варю напичкала мама. Она больше не была чудесной девочкой. И оказалась не в силах глотать информацию по целой куче предметов. Но из класса ее не выгнали, потому что успевала Варька все-таки не ниже чем на три с плюсом. А мама считала, что она со всем бы продолжала прекрасно справляться, если бы не вздорное увлечение, перешедшее все границы. Вся стройная система воспитания и образования дочери, на которую было потрачено столько сил, рушилась на глазах. Закаленная, спортивная девочка превращалась в сдобную пышечку. Разумный, послушный человечек – в нелепую мечтательницу с потусторонним взглядом. Открытого бунта не было, но Варька цеплялась за свои картинки с пугающим упорством, как помешанная.

И мама взяла дочь за руку, картинки – под мышку и потащила их к Мурашовой, заведующей отделом живописи Белогорского музея. Художественной школы в городе не было, но был кружок по искусству, который вела Лариса Ивановна. Она говорила со школярами об Античности и Средневековье, о древнерусских иконах и импрессионизме так страстно, словно они были увлечены всем этим так же, как она сама, и по меньшей мере собирались писать докторскую диссертацию. Она приносила из дома ценные книги и альбомы и приглашала на занятия настоящих живых художников. Она возила своих учеников в столичные музеи, а летом – по Золотому кольцу. Ее воспитанники водили экскурсии по Белогорской усадьбе, где располагался музей, и поступали на искусствоведение в то время, когда все рвались в экономисты и юристы. И вот теперь перед ней, ожидая приговора, стояла перепуганная Варя.

Женщина с короткой стрижкой и резкими чертами лица, больше похожая на спортсменку, чем на музейную даму, стремительно просмотрела картины из цветов. Казалось, она все понимает мгновенно, только прикоснувшись к очередному листу, еще до того, как бросает на него прицельный взгляд. На лице ее впечатления никак не отражались. Решение было кратким и деловым.

– Есть способности – надо заниматься. Интересуешься прекрасным – изучай его. – Фразы звучали отрывисто, по-командирски.

Варя впервые услышала слово «флористика», и еще ей был вручен необъятный альбом с репродукциями, чтобы увидеть, как разные мастера работают с цветом, и продиктовано расписание занятий.

Лариса Ивановна сразу понравилась маме – такой же жесткий, четкий человек, как и она сама. Ей не страшно передать Варьку с рук на руки. Девочка заметила, что мама вздохнула с облегчением: для таких, как Варька, есть специальные места, есть те, кто не считает ее странноватой. Значит, можно каким-то образом довести ее до ума и поставить в ряд с людьми, даже если она не выучит химические формулы! Торопливая благодарность за все это тоже была заметной.

Но Варя тут же оставила свои наблюдения без внимания – что это было в сравнении с неожиданным благом, которое на нее свалилось! Одобрение Мурашовой было охранной грамотой. Теперь не надо заниматься любимым делом украдкой, не надо саму себя корить за то, что она делает не то, что положено. Не надо страдать, что мама потратила полжизни впустую и не защитила кандидатскую диссертацию. Убирать ватманы со стен, пожалуй, рановато, но не смотреть на них уже можно. А против прекрасного, живописи и музеев Варя ничего не имела. К тому же она впервые перестала быть младше всех. Наоборот, со временем у нее даже появились младшие подружки, вроде Ани. И все охотно общались не с чудесной девочкой, что было только маминой заслугой, – а с самой Варей, талантливой, смешливой, обаятельной!

Розы и гвоздики

Анина «подковка», разноуровневая, ступенчатая, от пятого до двенадцатого этажа, выделялась на фоне серых хрущоб. Узорчатый железный забор и охранник добавляли солидности. Страж пропускал во двор, только предварительно связавшись с хозяевами. Во дворе, в подъезде, а потом в лифте – везде Варя видела оживленные молодые лица, букеты в нарядных упаковках. И все поднимались на тот же этаж, что и она. И все устремлялись в одну и ту же дверь, напротив Аниной квартиры. А дверь даже и не закрывается, и Аня неожиданно выглядывает оттуда и машет рукой:

– Иди сюда! Представляешь, Игорек теперь мой сосед, переехал сюда с семейством! Зайди на минутку, я сейчас!

Варю не надо было спрашивать, и она оказалась на новоселье. Вот он, подарок сегодняшнего дня! Сейчас вмиг забудется явление Андреева. Против новых знакомств она тоже ничего не имела и с ходу запоминала кучу имен, фамилий, дружеских и родственных связей – в голове профессионального экскурсовода мог уместиться вагон информации. А с Аней они еще успеют посидеть.

– Правда, здорово? Вам нравится? Мы раньше жили в этом же доме, только в другом подъезде и на первом этаже, одни ноги и колеса в окошке мелькали. А теперь – целый город видно! – Счастливый хозяин щедрым взмахом руки указывал Варю на панораму Белогорска.

У Вареньки перехватило дыхание. Перед ней разбегались крыши и дороги с разноцветными автомобильчиками, а необъятный парк был похож на ее же картину, сделанную давно, еще до отъезда – со всеми клумбами и аллеями, – хотя она тогда не видела парк сверху, а только воображала. А еще дальше, среди зелени, крыши были совсем игрушечными, двускатными, серебристыми – целый ряд маленьких зеркалец – ее улица! Чуть в стороне – Благовещенская усадьба с искоркой колокольни!

...Она, Варя, проснулась в свеженькой комнате, пахнувшей ремонтом, с тем же ощущением счастья, как просыпается каждый день, с тех пор как они с Игорьком – с *ее* Игорьком – сюда переехали. И они опять застыли перед окном, забыв о делах, и смеются ни о чем, и весь мир лежит под их ногами, и Игорек любит на свой «лексус» – тоже новенький...

– ...Мы его сегодня тоже заодно обмываем, – вернул ее в реальность голос хозяина. – Жалко, на работу нельзя ездить – я совсем рядом работаю, в двух шагах. Интернет-кафе рядом с парком, знаете? Как, вообще никогда не были? Заходите обязательно, я вас приглашаю! Кафе «Три пескаря», и наш зальчик с того же входа, уютный такой...

И какой бизнес у него красивый, современный! И деньги, должно быть, лопатой гребет! И ничего, что сам такой маленький, худенький – Варя не отказалась бы ни от такого мужа, ни от такой квартиры. Но и то и другое уже занято. Так всегда.

– Угощайтесь, пожалуйста! Шампанское какое любите, сладкое? А газету вашу можете сюда, на столик положить.

Это жена Игорька, такая же маленькая и худенькая. Вдвоем они похожи на парочку подростков. А кто-то из гостей обмолвился, что их сыну, которого по случаю пирушки куда-то отправили, уже два года. Все успевают, кроме нее!

И Варенька с аппетитом набросилась на маленькие заварные пирожные, предложенные хозяйкой. Ей составили компанию девочки-студентки – младший брат хозяйки привел своих подружек. И хотя Варя была почти в два раза их старше, их болтовню она поддерживала совсем не из вежливости, ей было так же интересно – если честно, она до сих пор оставалась семнадцатилетней барышней, чувствовала себя в этом возрасте комфортно и взрослеть и скукнеть не собиралась.

– «Вести» читаешь? – обратила внимание на Варину газету одна из девочек, Зоя. – А Катя там работает!

– Мою полы, – подтвердила Катя.

Подружка засмеялась:

– Хорош прикалываться! Не слушай ее, она статьи пишет. Вот возьмет и о тебе напишет что-нибудь!

– Ой, как это, наверное, здорово – в газете работать! – восхитилась Варя искренне – девочка Катя была милая, и подозрительно расплзающийся родной край сразу перестал быть потешным. А может, это он в небо прет, прирастает новыми коммерческими этажами? – А обо мне уже писали в газете, только не в местной, а в областной! – похвасталась она.

Неустанными трудами Мурашовой работы ее учеников – тех, кто занимался не только теорией искусства, – появлялись на всевозможных выставках и конкурсах. Варины флористические картины дважды выставлялись на ВВЦ и действительно были упомянуты в газетном обзоре.

– Как – ты... вы... та самая Воробьева? – ахнула Катя. – В нашем музее, где современное искусство, в фойе – это твое панно висит, «Осенний парк»? – И радостно объяснила оглянувшимся на ее возглас: – Я в детстве могла смотреть на него часами! Там же все как настоящее – и аллеи, и клумбы, и дерево любви!

Несколько гостей с тарелками в руках переместились к ним, и пошли привычные для Вари расспросы и комментарии: а трудно делать такие картины? а кто ее научил? а я тоже в детстве собирал гербарий... Она отвечала с удовольствием и сникла, только когда хозяйке пришлось в голову:

– А у нас столько цветов, смотрите! Они же все равно завянут! Может, возьмете что-нибудь для ваших картин? Не стесняйтесь, берите! Любые выбирайте! Я вам потом заверну!

Варе часто поступали такие предложения. И каждый раз она не могла набраться храбрости и отказаться. Срезанные цветы, постоявшие в воде, для флористических композиций не годятся – высушенные, они быстро потеряют цвет. К тому же в одну вазу воткнули и розы, и гвоздики, и тюльпаны, а они с трудом переносят друг друга, и на глазах друг от друга отстраняются, и гибнут на глазах – и ни гости, ни хозяйка этого не замечают... Но люди предлагали ей это с таким энтузиазмом, от души! Проще было взять, принести цветы домой и тоже поставить в вазу. И Варя, поблагодарив, протянула руку к следующему блюду с пирожными – корзиночками с кремом.

В прихожей раздались новые голоса – одни гости приходили, другие уходили, у кого-то отпуск и куча времени, а у кого-то рабочий день и обеденный перерыв. Почти все друзья хозяев были молодыми и веселыми, солидные родственники среди них совсем затерялись. И кажется, полно таких, как Варя, случайно зашедших на огонек. А хозяин только рад, и каждого вновь прибывшего подводит к окну и с гордостью показывает великолепный вид и чистенький зеленый «лексус».

Варя оглянулась – ее девочки уже стояли на балконе, вместе с курящими, и оттуда раздавался неторопливый мужской голос:

– ...нет, правильно так: наставляемый на пути любви, достигнув его конца, увидит нечто удивительно прекрасное, нечто вечное – то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения. Только это не Ницше, а Сократ в изложении Платона...

И в голосе подрагивают едва заметные вопросительные интонации, словно умник интересуется, надо ли продолжать. Тоже нашел, чем развлечь девушек! Если к пути любви приложить Ницше или тем более Сократа, сейчас все разбегутся с балкона. Может, Катю и Зою пора выручать? Тут сзади послышался какой-то монотонный скрип. Варя оглянулась.

На диване сидела Баба-яга в цветастой шали. Должно быть, почтенная родственница. И недовольно бубнила, хотя никто ее не слушал, что порядка в доме нет, что надо сидеть за

столом, как положено, а не бегать с кусками по комнате, и что всю улицу собрали, а к родным никакого уважения, зачем было тогда приглашать, и что она икону подарила, ценную, а ее небось и в красный угол не повесят, в кладовку засунут куда-нибудь.

Варя разглядела икону на столике с подарками – Георгий, пронзающий змия. Причем змий натуральный – огромная змея, а не обычный дракон с лапами и перепончатыми крыльями. И не под старину, а действительно старинная – не совсем облупленная, но реставратору есть к чему руки приложить...

– А это и правда может быть ценная вещь, – сказала она пробегающему мимо Игорю, – показали бы специалистам. На суздальскую школу похоже. Уж во всяком случае, не новодел, наверное, начало девятнадцатого века.

– Еще бы, – отвечал Игорь не глядя и возясь с пробкой шампанского, – не удивлюсь, если каменного. У бабы Нюры вся изба – лавка древностей.

А бабка, косясь теперь уже на Варю, опять принялась ворчать. Но ее заглушил чей-то возглас:

– Вот эта машина? Зеленая? Которая из ворот выезжает? Игорек, это точно твой «лексус»?

Варя повернулась к окну. Зеленый красавец плавно разворачивался, а его хозяин смотрел оторопело с седьмого этажа и на себя заодно взглядывал, не понимая, как это он может быть одновременно и здесь и там. Машинально сунув руку в карман, вытащил ключи – а потом с воплем кинулся к дверям. Несколько человек посообразительнее побежали следом, остальные постепенно присоединились к ним, уточняя друг у друга: «Угнали?» – «Угнали».

Комната опустела. Варя, не в силах бежать после угощения, вышла на балкон – весь двор как на ладони, отлично видно и то, как несколько гостей на машинах бросились в погоню, и то, как Игорь вне себя трясет охранника. Небось футбол смотрел, мерзавец, вон у него до сих пор телевизор орет. Катя, тоже стоящая на балконе, рядом с Варей, не поддавалась общей суматохе и в милицию звонит по мобильнику. Вот молодец, догадалась!

Скоро народ потянулся со двора обратно, и Варя вернулась в комнату. Все утешали, как могли, поникшего Игоря.

– Что же это мы, как дураки, все выбежали, – заметил кто-то. – Квартиру пустую оставили.

Варя попыталась пошутить:

– А вы подарки посчитайте! Не пропало, случайно, чего-нибудь?

Жена Игорька машинально оглянулась на столик. И вдруг заморгала:

– Что это? Ерунда какая! Иконы не вижу...

Теперь уже все собрались вокруг столика и стали перебирать и разглядывать свертки.

– И правда, нет, – пожал плечами Игорек. – Да переложили куда-нибудь. Кому она нужна!

– Кому-нибудь да нужна! – заскрипел вдруг старческий голос. – Не ты ли, милая, говорила, что она много денег стоит? Да ты ведь все время здесь была, никуда не уходила!

Варя растерялась, обвела глазами компанию – все смотрели на нее. Что за ерунда? Что они о ней думают? Боже, ведь только что все было так, как и должно быть, – приятно, легко, с авантюрной перчинкой – и вдруг сместилось, съехало и поползло совсем не туда. Как будто она свернула не на ту дорожку. Варя уже почувствовала, что начинает покрываться пунцовыми пятнами, и Аня тревожно взяла ее за руку, но тут раздался спокойный Катин голос:

– И я никуда не уходила. Мы обе с балкона смотрели. Чего выбегать-то, какой от нас толк?

– А вот от нас есть толк, да какой! – В комнату ввалились друзья Игоря, пустившиеся в погоню за похитителем. – Нашли мы твой «лексус»! Стоит в тупичке за гаражами. Далеко не ушел!

– Пустой?

– Пустой. Черт их знает, пошутили, что ли?

Игорек, еще боясь радоваться, поспешил к своему сокровищу, отмахиваясь от ведьмы в шали, которая продолжала указывать на Варю и Катю и повторять свои гнусности.

Варя все-таки покрылась пунцовыми пятнами. Она распахнула обе руки, демонстрируя, что ничего не прячет за пазухой. Схватила свою газету. И пулей вылетела из злополучной квартиры, не слушая ни извинений молодой хозяйки, ни уговоров Ани.

А как все начиналось хорошо! А какие пирожные были отличные, не приторные, с орешками!

Утиная трава

Растрепанная и сердитая, Варя приближалась к дому почти бегом.

– Ты чего так запыхалась?

Папа в старой клетчатой рубашке с закатанными рукавами стоял у калитки. Вчера он выглядел как обычно, а при дневном свете оказалось, что волосы у него стали совсем седые, а лицо, наоборот, темное – загорел, как индеец на огороде, загар еще с прошлого лета, наверное, остался. И то, что отродясь он был белолицым брюнетом, как и Варя, можно было бы доказать только с домашним альбомом в руках – настолько он стал не похож ни на дочь родную, ни сам на себя. Только черные глаза распахнуты доверчиво, совсем как у Вари, и толстые линзы очков увеличивают и подчеркивают эту доверчивость, вместо того чтобы добавлять солидность.

– А ты опять в земле роешься? – не удержалась Варя от укоризны.

В земле они рылись всегда.

В восьмидесятых годах научный институт, пытаясь решить жилищную проблему, построил типовые коттеджи – земля за городом, чуть ли не в лесу, была тогда почти бросовой, а кирпичи клали сами будущие домовладельцы. В число счастливых обитателей новой улицы под названием Научная вошли и Воробьевы. Правда, их сторону улицы чаще называли «птичник», потому что там рядом друг с другом жили Воробьевы, Грачевы, Гусятниковы и Чижевские. Последних потом, не нарушая традицию, сменили Голубевы. Во владение все получили и землю – крошечные участки, на которых могли бы разместиться только лужайка и шезлонг. Но какой там шезлонг! Сразу были возделаны грядки, которые Варя, сколько себя помнит, должна была рыхлить, пропалывать, таскать лейки с водой, хотя в магазине морковь стоила восемь копеек. Но это входило в Варино трудовое воспитание.

– Зато ты не боишься никакого труда и готова теперь к жизни, не то что некоторые! – поучительно говорила мама, когда, уже в девяностых, их с отцом зарплата научных сотрудников превратилась в недоразумение, хоть и обросла нулями.

– Да зачем же мне такая жизнь... – пыталась возражать Варя, уже взрослая, но мама махала рукой, не дослушав:

– А ты хотела бы только мечтать над своими гербариями! А живые растения тебя не интересуют, просто поразительно! Ни за клумбой не хочешь ухаживать, ни даже цветок в горшке полить! Как это в тебе только сочетается? Земля же чувствует, когда ее любят! Вот посадим картошку – и проживем, еще как проживем! – заявляла она убежденно.

Но даже сейчас, когда выживание уже не зависело от выращенной картошки и зарплаты в НИИ стали почти приличными, папа каждое лето продолжал битву за урожай, вступая в единоборство с дождями, засухами и колорадским жуком – со всеми по очереди.

– Ой, пап, ну как ты себя не жалеешь! – Варя понимала, что говорит это уже сотый раз, но все же еще на что-то надеясь. – А гипертония? А аритмия? Нельзя, что ли, осенью мешок картошки купить? Или из магазина понемногу привозить в сумке на колесиках? Ты что, и тот участок опять засадил, да?

У папы был еще один клочок для возделывания, за деревней Тучково, и туда приходилось ездить на автобусе.

– Ну и что, я же теперь пенсионер, езжу бесплатно, – оправдывался папа. – А что касается мешка картошки, – оживился он, ухватившись за возможность сменить тему, – то где его прикажешь хранить? Негде теперь хранить! Ты, наверное, и не знаешь, я не показывал?

И потащил Варю за дом, где у них был вырыт погреб.

Варя с недоумением смотрела туда, куда указывал его палец. В углу, между кустами малины, был поленовский «Заросший пруд» в миниатюре – поверхность, подернутая ряской, крошечное окошко с отраженным облаком.

– Это откуда взялось? А где погреб? – Варя всмотрелась в квадратные очертания водоема и догадалась: – Что, опять?

Подземные воды уже просочились однажды в их погреб, который по плану находился под домом. Воробьевы неустанно их вычерпывали, но уровень не опускался, в комнаты поползла сырость, и погреб пришлось засыпать и выкопать новый – уже на участке, предварительно выбрав место посуше. Выбирал место специальный лозоходец, за приличные деньги. И откуда только берется эта вода? Дом ведь стоит на горе, высоко и далеко от озера. Хотя рядом, на Белой Горке, бьет родник, на который все ходят за вкусной водой. И тоже в нетипичном месте, на самом склоне, на крутизне...

– Жила рядом проходит, – объяснял папа, – и вода бродит по всей горе, и никуда от нее не деться...

Но Варя уже не слушала. Наклонилась к воде, пошевелила густое зеленое покрывало. Оно распалось на множество мелких пластинок, один плоский кружок с волосяным корешком на изнанке прилип к кончику пальца. Ряска, утиный и гусиный корм... водяной сорняк... бесчисленное множество кружочков... мелкая мозаика, из которой... а какой будет цвет, если ее засушить? А кто-нибудь вообще с ней работал? А если ее выложить не гладко, а вроссыпь, создавая эффект неровности и объема? Почему нигде не встречалось упоминаний, ни в литературе, ни в Интернете?

– Вот видишь, какие дела... Я уже в Дуремара тут превратился... Только засыпать остается, или для полива оставить, как думаешь?.. Лозоходец наш сказал, что рядом с домом лучше уже не копать... Я в Тучкове теперь думаю попробовать, погреб-то нужен, что скажешь?..

Но Варя ничего не говорила. Голос папы переключился на фоновое звучание. Она набрала на пробу горсть ряски, разложила на все той же андреевской газете, которая все еще была у нее в руках, и сидела на корточках, всматриваясь. Повеселевший папа поскорее досказывал свои планы, радуясь, что его уже не ругают ни за порушенное здоровье на огороде, ни за рытье погреба и не говорят, что на деньги, отданные лозоходцу, можно купить овощей на всю зиму...

– Слушай, – вспомнил он, – Леночка звонила из Москвы! Сказала, что сегодня поздно возвращается и что завтра с утра тебе позвонит.

Но Варя и это сообщение прослушала краем уха и поспешила домой – поместить в надежное место прошлогодний лист, пока он совсем не рассыпался, и положить под пресс пробную порцию ряски.

Лепестки мальвы

Утром Варя отправилась в супермаркет – специально подальше, в центр города, чтобы как следует проветрить по дороге голову, мутную после шампанского и скверных мыслей. Накануне, уже засыпая, она некстати вспомнила новоселье и полночи ворочалась, заново все переживая. Казалось бы, пустяк, а неприятно. Так и эдак упиралась головой в любимую тумбочку, но сон не шел. А глубоко за полночь, когда поплыли наконец сновидения, вдруг раздался рев автомобилей. Не на их улице, на соседней, но он то приближался, то удалялся, и скоро уже казалось, что ездят внутри комнаты у самой кровати, и это повторялось снова и снова, как в кошмаре. Настоящая пытка: хочется спать – и невозможно. Наверное, это вообще была не лучшая мысль, подумала Варя, приехать сюда аж на неделю! Надо было турпоездку куда-нибудь купить...

Из супермаркета выходила Катя. Здороваясь, она опустила на пол большой мешок собачьего корма, и Варя тоже притормозила и пожаловалась:

– Полночи уснуть не могла! До мигрени довела противная бабка! Как она нас, а? А сама ведь тоже никуда не выходила! И в комнате сидела, в отличие от нас!

– А ты ничего не знаешь? – Катя смотрела внимательно.

– Чего? Нашли, что ли, они свою деревяшку?

– Да нет. Не нашли. И не искали особо, сразу начали отмечать счастливое возвращение «лексуса». А вот сегодня нашли – бабу Нюру эту. В ее избушке. Мертвую. С разбитой головой.

Варя ничего не понимала. Катя пояснила, что утром им в редакцию пришла сводка криминальных происшествий. Она перезвонила в милицию, чтобы сделать материал поподробнее, – оказалась, что убита та самая бабка.

– Несчастный случай? Упала, что ли? Отметила новоселье, называется! – Варя все не могла заглушить обиду.

– Говорят, непонятно пока, сама упала или помогли. Там все перевернуто, вещи по комнате раскиданы, может, ограбить хотели. И знаешь, что самое интересное? Рядом с ней икона валялась.

– Уж не та ли самая? – вырвалось у Вари.

– Не знаю. У нее там вообще полно икон и книг божественных. Ну, мне пора бежать!

Но Варя запаниковала:

– Ой, Катя, а вдруг нас с тобой в это впутают? Получается, у нас был мотив! Бабка-то нас вчера обвиняла, значит, у нас на нее зуб должен быть!

– Ну, спросят – расскажем, как было, – пожала плечами Катя, поднимая свой мешок. – По-моему, нам не о чем волноваться.

Но Варя продолжала нервничать:

– Ой, а как бы поточнее узнать, что не о чем? Ты бы не могла? Для журналиста же все двери открыты и информация всегда самая свежая!

Надо же, в первый день – и так вляпаться! Запросто могут сделать виноватой, если захотят, или просто время отнимут всякими вопросами-допросами! Выходные испортят! Вот и магазинный охранник глядит на нее подозрительно...

– Да мне совсем некогда! – отвечала Катя уже в дверях. – У меня сейчас экзамены, я из Москвы – на работу, с работы – в Москву! И ты забудь об этом, выброси из головы!

* * *

Варя попыталась так и сделать. Съела любимую булочку, побродила по участку, еще раз взглянула на прудик. А что, мини-водоем – совсем неплохо! Расширить его, превратить в бассейн, устроить летнее счастье: надувные штуковины, матерчатый зонтик на берегу... гости загорают, потягивают коктейль через соломинку... золотые карпы берут корм из рук... А зимой – каток... Что-то необычно яркое мелькнуло среди зелени. Варя присмотрелась – неужели все-таки шиповник зацвел? Или мальвы? Это не у них, у соседей.

Какое-то время она стояла в зарослях малины на одной ноге, с вытянутой шеей, наполняясь вожделием. Чудесные полупрозрачные розовые лепестки! Те самые будущие крылья бабочек! Мальвы редко срезают для букета, обычно они все лето просто торчат и осыпаются... И эти наверняка никому не нужны, от нескольких лепестков их не убудет... И дождя, как по заказу, нет, и ночью не было! Холодно по-прежнему, но сухо, можно собирать! Но это чужая территория, останавливала себя Варя, продолжая балансировать среди колючек и незаметно переступая вперед. Она даже не знает, кто там живет – дом одно время стоял заброшенным, потом кто-то вроде появился. Воробьевы даже об общем заборе никак не могли договориться – то не с кем было, а потом малина пышно разрослась с обеих сторон, и надобность сама собой отпала. Они привыкли общаться с соседями по «птичнику» – коллегами родителей, а этот участок выходил на параллельную улицу, Зеленую, там жило много Вариных одноклассников...

А что, если взять и наведаться и по-соседски попросить? Можно ведь даже и не вдаваться в подробности – мало ли зачем могут понадобиться эти лепестки, их и от кашля заваривают. В какой-то губернии мальвы вообще называли раздай-зелье, так чего бы его ей, Вареньке, не раздать? Варя обрадовалась такому простому выходу и взглянула еще раз на чужие владения. Запущенный сад выглядел вполне романтично. А что, если там живет какой-нибудь симпатичный молодой мужчина? И у него как раз сейчас отпуск или отгул, и он, заслышав посторонний шум, выйдет на крыльцо или выглянет с террасы... Простите, я вас разбудила? Ах, это просто ужасно, я и сама так люблю утром поспать... Кофе? Спасибо, уже пила, разве что составить вам компанию... Скорее, сначала домой, поправить прическу! Усовершенствовать нехитрый макияж, утренний, на скорую руку! Варенька заодно надела фартучек со множеством кармашков – одну из своих спецпокупок, снаряжение для сбора растений, где все-все-все предусмотрено. Ведь наверняка дадут лепестки, надо сразу быть готовой!

Вот только идти в обход, сначала через одну улицу, потом через другую, чтобы постучаться с парадного хода... Когда тут всего один шаг, через заросли малины, вот здесь, где кусты то ли засохли, то ли вымерзли, и образовался просвет... Что за церемонии, когда они почти знакомы! И Варя решительно шагнула.

Соседский участок был большим и неухоженным, гораздо больше, чем воробьевский, но заблудиться оказалось трудно, и вот они, мальвы – да какие огромные, выше головы! И не какие-нибудь простенькие, а породистые, листья красивее цветов – крупные, с тарелку, волнистые, да еще с бахромой по краям.

– Вы что это за кустом прячетесь? Что вы тут делаете?

Варя вскинула голову. Перед ней стоял милиционер, очень молодой и очень серьезный. Голос у него был напряженный. Что, ее сосед – милиционер? Ничего особенного, конечно, какая разница, где он работает. У них уже есть один сосед-участковый, Гусятников-старший... Только что же сразу так сурово? Хотя как же ему еще реагировать на неожиданное вторжение... Наверное, это вполне нормально на первый момент, не сразу же кофе...

– Вы почему не отвечаете?

– Я... я засмотрелась на мальвы, – наконец пролепетала Варенька.

– И что? – еще более грозно спросил милиционер. – Как вы сюда попали?

Совсем смешавшись от его неприветливости, Варя начала бессвязно объяснять, больше жестами, указывая в сторону своего дома.

– И часто вы так сюда заходите? – нахмурился ее собеседник. – Соседку знали хорошо, близко знакомы?

Варя тут же отреклась от неведомой соседки, сообщив, что понятия не имеет, кто здесь живет, и собиралась уже ретироваться, но молодой человек, кажется, и не думал ее отпускать! И смотрит теперь на Варю с каким-то подозрением, почти враждебно!

– Да что случилось? – Девушка наконец справилась с замешательством и перешла в наступление. – Если ее нет дома, я позже могу заглянуть! Или давайте записку оставлю...

Она двинулась к дому, но страж порядка предупреждающе поднял руку:

– Туда нельзя. С вашей соседкой произошло несчастье. Я хотел бы задать вам несколько вопросов...

Варя, вывернув шею под прямым углом, разглядела: на террасе валяются несколько перевернутых стульев и стол, на полу разбитая посуда. Даже дождевая бочка у крыльца лежит на боку. Все перевернуто, вещи раскиданы! Неужели та самая бабка? Или не она? Но не может же быть, чтобы всех пожилых жительниц Белогорска в одну ночь навести разбойники!

– Ой, ее убили? – всплеснула руками Варя. – Бабу Нюру?

– Я вам этого не говорил, – мрачно заметил милиционер, сверля ее взглядом. – А вот вы только что сказали, что даже не знаете, как ее зовут.

– Да я и не знала... я только сейчас догадалась, что это она... – запуталась Варя, больше всего желая поскорее исчезнуть отсюда.

Но пришлось отвечать на вопросы, которые, должно быть, задавали всем соседям. При чем от единственной дельной информации, которую она сообщила, что всю ночь на улице невыносимо ревели автомобили, – суровый молодой человек отмахнулся. Он только предложил вернуться домой не через кусты, а через калитку. Когда же Варя захлопнула ее за собой, радуясь, что вырвалась из ловушки, милиционер вдруг заинтересовался ее фартуком:

– А это у вас что? А это для чего? Вы позволите?

И с изумлением стал вытаскивать из кармашков ножницы – большие и маленькие, прямые и изогнутые, секатор, пинцет, скальпель, лезвие для опасной бритвы – один предмет за другим.

– Зачем это вам?!

– Старушек расчлнять! – не выдержала Варя. – Скальпелем! На кусочки!

Сзади, прямо над ее головой, раздался смех – залихватский, радостный.

– Как я вовремя! Сейчас будешь давать показания в присутствии адвоката!

По-мальчишески засунув руки в карманы стильного замшевого пиджака, покачиваясь с пятки на носок, с ног до головы модный, в песочно-бежевых тонах – а голова пшеничная, как у Маленького принца, – перед ней стоял Павлик Медведев. Маленький принц с пшеничными усами. Бывший одноклассник, а теперь – успешный юрист.

– Что, попалась? Зацапали?

– Что это у вас тут со старушками творится? – вопросом на вопрос ответила Варя строго. – А вроде соседи приличные.

Медведевский дом стоял напротив. Какие перед ним деревья интересные – акации, что ли? Легкие, гибкие, и еще цветы на них какие-то пушистые и розовые. Неужели Медведев садоводом заделался? Или садовника держит?

Тем временем Павлик сказал несколько слов милиционеру, причем тот обращался к нему «Пал Палыч», и у Вари отлегло от сердца – кажется, допрос на этом закончится. Угораздило же сунуться в гиблое место! Ладно, хоть не напрасно – душу согревали несколько лепестков мальвы, незаметно оторванных и спрятанных в один из кармашков.

– Спасибо, Павлик, – распрощалась Варя. – Я тебе, кажется, торт должна?

– Занесешь вечером, – прозвучал великодушный ответ. – А ты что, в отпуск? А сама все там же, в том антикварном городке? А работаешь где? Это что за музей? Монастырь, что ли? А, тот самый, куда неугодных цариц отправляли? Да-да-да! И еще царевен нагрешивших! Специально, что ли, под себя выбирала?

Дальше по логике должен был последовать вопрос, вышла ли она замуж, и, пока Павлик смеялся, Варя сделала вид, что страшно торопится.

– А ты правда заходи! – пригласил ее Медведев. – Поболтаем! Только без скальпеля! Можешь и без торта, у нас фирменный пирог на ужин намечается!

Варя летела домой почти счастливая. Ничего не бывает просто так! Не напрасно, стало быть, она полжизни терпела медведевские подначки и шуточки, притворяясь, что не обращает внимания, а сегодня это трепло спасло ее от милиционера! Надо только впредь остерегаться дурацких ситуаций, смотреть, куда идешь и с кем разговариваешь. Просто самой в них не вступать, и все будет в порядке...

Взвизгнули тормоза, и машина замерла в сантиметре от Вари. Та сначала поразилась этой точности, а уже потом остолбенела. Как, вот так просто, и опять по-дурацки все может оборваться? И секунду назад уже могло не быть и ее волшебных цветочных картин, начавших проступать из небытия, и ярких серпантинных взрывов воображаемого счастья? Варя стояла, не сводя глаз с автомобиля и боясь пошевелиться.

Дверца открылась, водитель выглянул. Варя очнулась. Сейчас как заорет! И правильно, она же виновата. Несется по улице, по сторонам не глядит, под колеса лезет... Она даже сделала произвольное движение, словно собираясь заткнуть уши. Но голос водителя оказался неожиданно тихим.

– С вами все в порядке? Девушка?

Варя закивала, одновременно оглядывая себя и убеждаясь, что с ней все в порядке.

– Точно ничего не случилось? Может, вас до дома довезти?

Она снова затрясла головой, теперь уже отрицательно, и прислонилась к неохватному старому дереву, которое росло прямо посреди тротуара. В старину считалось, что у таких гигантов патриархов есть душа и убирать их с дороги не следует, вот и это росло здесь с незапамятных времен, и все его привычно обходили. Оно невольно внушало уважение, и, поравнявшись с ним, следовало сказать: «Здравствуйте, Уважаемое Дерево» – и коснуться ствола ладонью. Тогда день непременно будет удачным. Варя с Леной ритуал выполняли – на этом месте, где сходились их улицы, они обычно встречались по дороге в школу и дальше шли вместе. Один раз Варька постеснялась поздороваться – близко проходили какие-то мальчишки – и получила двойку за контрольную.

Водитель все не решался уехать и оставить чудную девицу, которая то бросается под колеса, то обращается в статую. Рядом остановилась еще одна машина. Лена как будто из Уважаемого Дерева возникла.

– Варька! Прогуляться вышла? И мобильник дома оставила, да? А я названиваю все утро! Я же за тобой еду! Садись скорей, званный обед намечается!

Двухцветные хвоинки

– Ничего тебе не надо переодеваться, – убеждала Лена, глядя не на Варю, а на дорогу. – Фартук снимешь, и все! Наоборот, нечего расфуфыриваться, такой непринужденный загородный стиль...

– А мы куда едем?

– Сначала ко мне в контору. Это входит в непринужденный вариант.

Знакомство! Сюрприз! О самом главном забыла!

Они опять очутились за городом, только с противоположного конца Белогорска. Перед въездом в Берестовский питомник лежала огромная поваленная береза, и к ней примеривались несколько работников с пилами.

– Ураган натворил, – пожаловалась Лена, проводя подругу в свой офис, – весь парадный вид портит, никак руки не доходили убрать...

У крыльца стояли необычные саженцы: пушистые сосенки, словно игрушечные: одна иголочка зеленая, а другая – белая. Варя никогда таких не видела. Она умоляюще вскинула глаза на Лену, но та погрозила пальцем:

– И не проси! Не дам обдирать! Только что привезли, кто их знает, как приживутся, а если еще и хвою драть...

И пропустила Варю вперед, заметив, что та все-таки притормаживает.

– Нет, нет, Варька, не обижайся!

Варя дернула плечом и пробормотала что-то неразборчиво, а войдя в кабинет, только и могла сказать:

– Вот это да!

Весь уголок над компьютером был завешан цветочными композициями, большими и маленькими, – ее открытками, которые она дарила Лене по всяким случаям в течение, наверное, целой жизни.

– От них энергетика хорошая, – пояснила Лена. – Иногда придешь на работу – глаза бы ни на что не глядели, а поглядят минуту на твои цветы – и ничего, можно жить дальше. Я и подумала – чего им дома лежать, да так все сюда и перетаскала... Кстати, твой жених на них и запал.

– Мой жених? Он хоть кто?

– Он – Олег Александрович. Сотрудник городской администрации, отдела ЖКХ. Заезжал насчет оформления площадки перед мэрией – просят подумать над обновлением. Там, помнишь, дизайн еще советский, мавзолейный, елочки стоят. Вот две из них ураганом и повалило, тем же, что мою березу...

Варя глянула в окно: березу пилили на кусочки. Внутри она вся пустая, неудивительно, что не выдержала. Наверное, такая же старая, как Уважаемое Дерево. Ой, а с деревом-то она и не поздоровалась! Как же теперь все пройдет?

– Лен, а он какой? Ну, вообще?

Варя отмахнулась от чая, который ей предложили, и глаза у нее были испуганные.

– Да ты чего, Варь? – засмеялась Лена. – Не понравится – никто же тебе его насильно не всучит! А какой – я не знаю, честно. У знакомых поспрашивала – сведения самые стандартные: образование престижное, академию управления окончил, когда она еще академией не была. Живет с родителями, но строит то ли дом, то ли дачу. Разведен. А что еще можно узнать? В связях, порочащих его, не замечен – то есть какие-то связи были, конечно, но как-то тихо, без бурных сплетен... А на меня он произвел впечатление нормального человека. К цветнику на стенке все прилипают, но с потребительским интересом: ах, где бы такое купить? Вот тебе и

бизнес, кстати – возвращайся, на хлеб заработаешь... А этот Олег с другой стороны: ах, как необычно! а кто автор? а как бы познакомиться? я так люблю общаться с творческими людьми!

Варя смотрела теперь с такой отчаянной надеждой, словно все ее будущее было в руках подруги, что Лена опять рассмеялась.

– Варь, ты только ничего не выдумывай заранее, ладно? Просто познакомься, пообщайся – а вдруг понравится. Он сейчас подъедет за проектом. Волноваться так совершенно ни к чему! Ты же у нас не перестарок, и это для тебя не последний шанс. – И, не обращая внимания на то, что щеки Вари покраснели, заторопилась:

– И не отнекивайся, уж я-то все прекрасно знаю! Все твои разочарования – от несоответствия реальных людей и твоих... мечтаний. А сейчас надо просто поставить рабочую задачу: плановое знакомство, и определиться, для чего оно – устройство стабильной личной жизни, так это назовем. А если поймешь, что этот Олег для этого не подходит – сворачивай все решительно и сразу и просто наслаждайся выходными...

– Лен, ну что я – совсем уж дура, по-твоему? – Варя с тоской смотрела за окно. – Ничего я никогда не выдумываю и ничего несбыточного ни от кого не хочу, и совсем все не поэтому...

Объяснить это даже Лене было невозможно! Но Лена тут же согласилась:

– Ну конечно! Я только не хотела, чтобы это знакомство превратилось в трагедию и обросло переживаниями, хватит уже с тебя. Потому я и говорю про рабочую задачу. У нас же обычно все структурировано, только личная жизнь течет вольным потоком, куда занесет. Чтобы получить хорошее образование, например, надо как следует работать – сдавать экзамены, планировать время и силы на несколько лет вперед. И чтобы получить хорошую работу, надо работать, продуманно, целенаправленно – грамотное резюме написать, собеседования проходить научиться. И чтобы получить хорошего мужа, тоже надо работать! И главное, все время помнить, зачем ты это делаешь и чего хочешь добиться...

Лена Берестова всегда была первой красавицей. В младших классах ее называли Елена Прекрасная.

Даже когда она не улыбалась, тихая нежность, которой светилось ее лицо, притягивало обещанием еще большей теплоты – но каждый, кто делал еще один шаг, наткнулся на невидимую стену. И оставались недоступными и манящая теплота, и женственность, и глубокое, сочувственное понимание, навстречу которым все сразу так готовно устремлялись. Варя, изучавшая, как разные художники работают с цветом, пыталась определить оттенок Лениных глаз, которые напоминали декабрь – каток – сумерки – снежинки на стеклах... Ну да, освещенные зимние окна, за которыми так хорошо, но куда не пускают кого попало с улицы!

Что самое странное, Елена Прекрасная всегда была спокойна, если не равнодушна, и к собственной красоте, и к мужчинам. Но именно это ее спокойствие и самодостаточность, как замечала Варя, притягивали и мальчишек, и взрослых кавалеров куда сильнее, чем Варенькины смешливость, наивность и непосредственность. Никто из одноклассников никогда не позволял себе ни шуточек, ни насмешек в адрес Лены Берестовой, у нее даже списать просили как-то... почтительно. Даже Павлик Медведев заметно стихал.

Один раз, классе в седьмом, Варя застала его за любопытнейшим занятием. Мальчишки остались после уроков готовиться к Восьмому марта, но вместо этого Павлик изображал всех девчонок по очереди, а остальные ребята ржали на весь этаж. Варю, которая дежурила в соседнем кабинете и шла по коридору с ведром воды, это остановило, и она увидела в дверную щелку много интересного – в том числе себя. Павлик так умел изобразить и облик, и мимику, и походку, что не было возможности ни уйти, ни даже пошевелиться, и она так и стояла с пылающими щеками и тяжеленным ведром, пока не просмотрела карикатуры на всех девочек из их класса. Почему-то – кроме Лены.

Лениного мужа Варя не помнила, хоть убей. Лена вышла замуж раньше, чем она, и почти сразу же с этим мифическим мужем рассталась. Сын Никола уже школу оканчивает.

– Лен, а ты сама почему над этой темой не работаешь, раз так все знаешь четко? – тем же скучным голосом спросила Варя, продолжая смотреть в окно. – У меня все спонтанно, по дурачки, а у тебя – совсем никак. Ты такая яркая, как одуванчик, тебя же нельзя не заметить! И все замечают, а ты отталкиваешь! Может, это ты не знаешь, чего хочешь?

– Я – одуванчик? – развеселилась Лена. – Неуничтожимый сорняк? Нет чтобы с какой-нибудь лилией сравнить! Да я-то как раз знаю, чего хочу – ничего не хочу! У меня есть мой сын, моя работа и я сама. И никто сюда больше не вписывается. А ты так хочешь вписаться в счастливую семейную жизнь, так страдаешь – вот и работай над этим!

– Я одуванчики больше всех люблю, – проворчала Варя, опять высовываясь в окно, – и все их любят, только сознаваться не хотят... Да расставь ты эти чурбаны березовые прямо здесь у входа! – не выдержала она. – Насыпь в них земли и посади цветы какие-нибудь яркие, лучше красные! Твой задрипанный двор – это же лицо фирмы, заиграет сразу же!

– Лучше красные? – повторила Лена. – Слушай, Варь, а ведь ты молодец. Бросай свой музей и перебирайся ко мне, а? Флористикой бы занялась, я как раз расширяться хотела. Спрос растет – свадебные букеты, праздничные, оформление залов... Хватит уже в своей ссылке сидеть! А насчет березы я пойду скажу... Нет, уже не успею.

На пороге стоял высокий моложавый мужчина в безупречном сером костюме с голубым отливом, явно подобранном под цвет глаз.

– Зотов, – представился он Варь, после того как Лена сообщила, что проект готов, а это и есть та самая художница, и протянул руку.

Жест был широкий, дружелюбный, и руку пришлось пожать, хоть Варя и не привыкла здороваться по-мужски. Некстати вспомнилось, что папа учил ее именно так знакомиться с собаками – протягивать руку ладонью вверх, как Зотов, чтобы животное видело, что в ней нет ни палки, ни камня, и ответило бы доверием. А потом уже можно руку повернуть и погладить зверушку. Варя невольно фыркнула, тут же превращая фыркание в приветливую улыбку, и накатившая было дурацкая скованность исчезла.

А Зотов тем временем произносил целую речь – о том, как поразили его Варины картины, как он потом всех расспрашивал о незнакомой художнице, начиная с ее подруги, – словно мозаику собирал из отдельных кусочков. Вспомнил даже роман Майна Рида «Охотники за растениями», читанный сто лет назад, хотя к флористике там мало что имело отношение. Видно было, что произносить речи он привык, говорил живо, правильно, прекрасно при этом зная, как выглядит со стороны и какое производит впечатление. Варя, слушая его, не могла не проникаться сознанием того, какая она необыкновенная и что именно Зотов способен в полной мере это оценить. А он, приглашая их с Леной в недавно открытый ресторан с претенциозным названием «Золотой рог», был, в свою очередь, уверен, что они не откажутся с ним отобедать.

Но Лена отказалась.

– У сына выпускные экзамены в гимназии, – объяснила она, – мне обязательно надо поехать его накормить.

Варя отлично знала, что Ниолушку Берестова, прежде чем накормить, надо сначала отловить, а он почти не бывает дома. Но Зотов этого не знал и вполне оценил материнскую самоотверженность:

– Конечно, семья – прежде всего, так и должно быть. Ну, мы с вами, Елена Николаевна, еще обмоем наш проект, когда утвердим – в этом я не сомневаюсь! Ну, а вы, Варенька? Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

Варенька не торопилась. Она только засунула пакет, протянутый Леной, в свой супер-фартук и укоризненно прошипела:

– Бросаешь! А могла бы поддержать! Не лопнула бы от одного обеда! – на что Лена серьезно ответила:

– Ни пуха ни пера.

Белые розы и белые лилии

Варя уже слышала, что «Золотой рог» – на вывеске был изображен рог изобилия, из которого вываливались фрукты, – отличается от прочих местных харчевен живой музыкой и какой-то необыкновенно вкусной уткой. Утка и в самом деле была ничего, и в другое время Варя расправилась бы с ней с настоящим удовольствием, хоть соус и сладковат, но сейчас ведь главное не утка, а новый знакомый. А вот музыка оказалась оглушительной. Несмотря на полупустой зал, несколько музыкантов играли джаз, и у них явно не ладилось с аппаратурой – Варя скоро почувствовала, где именно у нее расположены барабанные перепонки, и даже их вибрацию.

– Похоже, они просто репетируют, мерзавцы, перед основной работой – тут же ночной клуб, а до нас им дела нет! – прокричал Зотов.

Варя с трудом его расслышала, и он отправился на переговоры. Звук убавили, но ненамного.

– Любите джаз? – поинтересовалась Варя. Джаза из-за лишних децибелов как раз было не разобрать.

Зотов только рукой махнул, она предложила другой вариант:

– Значит, любите пробовать новое?

Зотов опять сделал отрицательный жест.

– Конечно, надо было самому проверить, прежде чем вас приглашать! Знакомые нахвалили, модное заведение! А я-то как раз консерватор, лучше было в «Три пескаря» пойти! Ну, я вас туда на ужин приглашаю в качестве компенсации!

Они немного поспорили насчет того, что компенсации никакой не нужно – ну, тогда ради удовольствия продолжить знакомство, настаивал новый знакомый, – и Варенька уже сочинила вполне остроумный ответ, но тут грохот музыки внезапно оборвался, и несколько секунд прошли в полном безмолвии, вообще без всяких звуков. Но Зотов тут же подхватил разговор, никакая неловкая пауза не могла возникнуть при таком собеседнике, хотя ей так легко было повиснуть между двумя взрослыми людьми, прекрасно понимающими всю принужденность «непринужденного варианта» их знакомства. Варя вспомнила, что Олег Александрович – местный чиновник, и легко представила его делающим доклад на какой-нибудь планерке в мэрии. Наверняка никто, когда он выступает, не клюет носом и не разворачивает потихоньку газету! Впрочем, Зотов давал раскрыть рот и Варе, она даже заметила, что они говорят по очереди, и это напомнило ей что-то такое знакомое!

Скоро она с удивлением поняла, что именно. Да интервью с газетчиками! Та же самая структура: вопрос – ответ, вопрос – ответ, причем вопросы задает Олег Александрович, а Варя послушно, как когда-то журналистам, отвечает. Вот только интерес у корреспондентов все же был служебный, они отрабатывали задание, воображая невидимый Варе будущий материал и время от времени словно сверяясь с ним. А у Зотова был свой интерес, личный, этого нельзя было не видеть. И входило в него абсолютно все, что составляло Варенькину жизнь, не только занятия флористикой. Как же это непривычно! Андреева с первого дня знакомства интересовали только поцелуи и так далее, он этого и не скрывал.

– А из чего состоит ваш рабочий день? А если в музей никто не придет? Такого не бывает? А по выходным вы что любите делать? А в отпуск? А праздники где предпочитаете проводить, пойти куда-то или дома чем-нибудь заняться? А что готовить любите? А фирменные блюда у вас есть? У вас же родительский дом на Научной? Я всегда так любовался этими коттеджиками! О чем-то подобном мечтал – чтобы все свое, цветы, лужайка... Вы, наверное, обожаете со всем этим возиться! А читаете как, по старинке? Я недавно на электронную книгу перешел – удобная оказалась штука...

Немногочисленные посетители давно пообедали и ушли, а они все сидели и сидели в «Золотом роге» и давно уже съели десерт, и давно уже джаз, совсем безо всяких динамиков, стал настоящим. Но Варя совершенно потеряла чувство времени и даже перестала озираться, ловя свое отражение то в зеркальных осколках, которыми были декорированы стены, то в бокале.

А Зотов, казалось, никуда не торопился, и энергия его интереса не иссякала. Казалось, он тоже сверяет ее слова с каким-то невидимым планом, и, судя по выражению его лица, все сходится. Варя радовалась, как в школе после удачных ответов. Почему-то не хотелось, чтобы этот необыкновенный интерес сменило разочарование – хотя она так и не поняла, что же именно притягивает Олега Александровича: ее женское обаяние или только творческий «бантик», как называл Варенькино увлечение Андреев, относившийся к нему снисходительно. Она так надеялась, что и то и другое! В ресторанном полумраке глаза у Зотова тоже потемнели, и в них невозможно было ничего разобрано. Варя попыталась лучше вникать в его слова и вопросы, которые могли содержать добавочный смысл, но они содержали только информацию – «что, где, когда», как обозначала это Катя, когда они обсуждали вчера ее профессию.

– Я на мероприятиях в День города обязательно должен быть, никуда не денешься, – поделился Олег Александрович, когда Варенька, опомнившись, спросила, не закончился ли у него обеденный перерыв, и начала прощаться. – Так хотелось бы, чтобы вы составили компанию! Но даже боюсь спрашивать – вы наверняка нарасхват у ваших друзей, правда?

Варя чуть не выпалила, что готова начать праздновать хоть сейчас, но вовремя притормозила, заставив себя спокойно расспросить, какие же это мероприятия, и наконец выбрала торжественное шествие с духовым оркестром.

– Опять музыканты? Ну, я о берушах позабочусь заранее, – пообещал Зотов, и оба рассмеялись.

Варенька отправилась припудрить носик, а по возвращении ее ждал огромный букет, наполовину скрывший Зотова.

– Я в языке цветов не силен, хотя когда-то читал кое-что... Они мне просто понравились, – пояснил он, вручая зардевшейся Варе белые розы и лилии. – Может, они не совсем то что-нибудь значат... Я только помню, что юным девицам не дарят темно-красные цветы – это нескромно, а зрелым дамам – наоборот, всякие ландыши. Или это уже не язык цветов, а суеверия?

– Ой, да кто же сейчас разбирается в языке цветов! Все английский учат, – пошутила Варенька.

– Ну, вы-то наверняка разбираетесь, – уверенно сказал Зотов.

Разумеется, он не ошибался – Варя, спрятав за букетом улыбку, торжествовала. «Это божественно – быть рядом с тобой!» – кричали ей белые лилии, а белые розы скромно сообщали о чистоте намерений и уважении. А все вместе белые цветы желали ей удачного брака, это кто угодно мог бы догадаться безо всякого языка цветов! И совершенно не хотелось верить, что Зотов когда-то что-то читал и ничего не запомнил!

Варя с надеждой подняла взгляд от пышного подарка. Они вышли на улицу, и глаза Олега Александровича стали при дневном свете светло-светло-голубыми, ясными. Никакого второго дна и двойного смысла в них не было. Говорила же Лена – ничего не выдумывай, не додумывай! Это просто букет! Который ни к чему не обязывает! Но вот интерес в зотовских глазах она не выдумала, он в них сохранялся – постоянный, ровный, совсем не похожий ни на так знакомую пошлую мужскую озабоченность, ни на поверхностное любопытство к ее картинкам, тоже обычное...

И стоило Варе вспомнить о своих картинах, как Зотов тут же сказал, кивая на белые цветочные головки:

– Ну и для творчества, может, что-то пригодится. Приятно будет потом узнать какие-то из этих цветов в ваших работах!

Варя беспомощно улыбнулась и, как всегда, ничего не смогла возразить.

Приворотные травы

Шикарный букет просился в хорошую вазу. Варя полезла за ней в шкаф и наткнулась на баян. Громоздкий, в черном футляре – кто это его сюда засунул?

Это был папин баян. Варя не переставала удивляться, до чего же у поколения ее родителей была стерта грань между физиками и лириками. До чего же их, обычных инженеров, интересовали литература, музыка, театр! И нельзя сказать, что этим компенсировалась скукота на работе – на работе они как раз горели, проектируя свои космические спутники, и готовы были по несколько раз слушать в новостях, сначала по телевизору, потом по радио, как запускают их очередной спутник. Но после работы у них оставались еще силы и желание заниматься самодеятельностью, всякими КВНами, петь в академическом хоре, который был организован в НИИ, ездить в Москву на поэтические вечера и спектакли, обсуждать в клубе творческой интеллигенции какие-то романы из толстых журналов, которые передавались из рук в руки и читались по ночам. Молодые специалисты, почти все приехавшие в Белогорский НИИ по распределению, они по выходным обследовали окрестности, фотографируя уцелевшие усадьбы и церквушки, искали в библиотеках исторические сведения о них, радовались, когда что-то находили, и строчили краеведческие заметки в районную газету. Мама к тому же еще вела фотокружок и устраивала фотовыставки «Красота родного края». А папа играл на всех инструментах, которыми НИИ удавалось обзавестись, аккомпанируя и хору, и самодеятельности. Жаль только, что заветная его мечта создать свой, институтский, настоящий оркестр так и не воплотилась...

А баян принадлежал ему лично. Правда, папа играл на нем все реже и реже, в основном по праздникам, потому что, когда появилась Варя, маму захлестнула волна новой деятельности – воспитание человека будущего. И все силы стали уходить на это, и их все меньше оставалось на поэзию, краеведение и баян. Потом инструмент вдруг начал вздыхать в такт мелодии, потом в нем что-то застучало, а потом он сломался окончательно. Конечно, папа мечтал его починить, но все не выкраивалось денег, а когда настала перестройка, стало понятно, что мечта останется мечтой. «Ну какой теперь баян», – разводила руками мама. И баян какое-то время служил прессом для Вариных растений, а когда она переехала жить к одному мужу, потом ко второму, а там и в Переславль, баян, видимо, переселился сюда, в шкаф, на окончательный и заслуженный отдых.

Варя поставила цветы в вазу и решительно вытянула тяжеленного ветерана на свет божий. Удавшийся обед и знакомство с Зотовым, который оказался интересным мужчиной, наполнили ее энтузиазмом. Надо узнать, сколько стоит починка, и починить, в конце концов! Или купить новый, а с этим расстаться! Пусть папа играет, переключится с ненужных мыслей об участках и погребках!

Вдруг от баяна что-то отделилось и полетело на пол. Варя, чуть не выронив инструмент, все-таки осторожно донесла его до коридорчика рядом с прихожей, а потом вернулась посмотреть, что именно упало. Папка. Старая, картонная, с матерчатыми завязками, тех еще времен, когда не было ни ярких пластиковых уголков и конвертов, ни прозрачных файлов, в которых так удобно хранить растительный материал. Наверное, прилипла к футляру. Не веря своим глазам, Варя один за другим разворачивала бумажные листы – чистотел, одуванчик, пижма, луговая герань, первоцветы... Ятрышник и заманиха, желтая кувшинка и нарядная аралия! Колдовские любовные травы! Когда-то она хотела составить композицию «Приворотное зелье» или что-то в этом духе, рылась в книжках по славянской мифологии и в разных травниках, потом собирала материал – долго, тщательно, в разное время года, сложила все в отдельную папочку. И вот она где! А Варя уже отчаялась найти, а приниматься заново за сбор и заготовку не захотелось... Права была мама, в работе должен быть элементарный порядок! Нет, сегодня просто чудесный день, несмотря на скомканное утро!

Девушка, напевая, уже не торопясь рассматривала найденные сокровища. Но мало-помалу счастливое возбуждение угасало вместе с пасмурным днем, который на глазах переходил в еще более хмурые сумерки. Одновременно стало и зябко, и голодно, и одиноко. Конечно, можно было тут же завернуться в плед, включить обогреватель и вскипятить чай, но внутреннюю пустоту тараторящий телевизор не заполнил. Когда же папа вернется? И тут Варя вспомнила, что он сегодня на дежурстве – папа подрабатывал в своем же институте ночным вахтером. Папа не придет. Ей предстояло оставаться здесь в одиночестве до самого утра. От одной мысли об этом Варя почувствовала себя больной. Она даже удивилась – с чего бы это? Она же давно привыкла проводить в Переславле подобные вечера. А дома, наоборот, всегда ждала, когда выпадет такая удача, что все уйдут! И можно будет спокойно делать что захочется, не ожидая маминых команд, которые могли прозвучать в любой момент и требовали немедленного исполнения.

Мама умерла несколько лет назад. Ее убила неожиданно возникшая и быстро прогрессирующая опухоль. Но Варя знала, что на самом деле мама не выдержала того, что был нарушен разумный порядок жизни и она обесмыслилась – и в целом в стране, и маленькая жизнь их семьи, поскольку оба Варькиных брака разрушились. Варька не стала ни вундеркиндом, ни гармоничным универсальным человеком будущего, ни даже просто нормальной, счастливой женой и матерью.

И сидела теперь в пустом доме, впервые явственно ощущая, что в него никто не придет. И никогда в него больше не придут ни мама, ни бабушка, которая умерла еще раньше.

До этого Варя казалось, что мама просто куда-то ушла по делам. И это было то самое, знакомое ощущение: все родные чем-то заняты, никто к ней не войдет и не помешает, и в то же время тепло на душе оттого, что они недалеко, под боком, со всеми все в порядке, и вечером они соберутся за ужином, будут вместе смотреть телевизор. И Варя не гнала от себя это ощущение. Оно само исчезло – внезапно, только сейчас, и больше ее не защищало. Ее ничто здесь больше не защищало!

Она обвела взглядом комнату, которая становилась все неудобнее. Птичек на стенах почти не видно, обои совсем выцвели, сколько лет их не меняли? Они уже не воспоминания детства навевают, а тоску. О серванте и прочих шкафах с облупленной полировкой, низеньких, модных в семидесятых годах, и говорить нечего. Старые стены безмолвно и растерянно смотрели на нее, о чем-то спрашивая, – и Варя быстро перевела взгляд на экран.

Телевизор продолжал захлебываться новостями, в которых не только не было ничего нового, но проступал какой-то безликий и агрессивный шаблон: опять где-то произошло наводнение, где-то объявился маньяк, а где-то грянула техногенная катастрофа. Можно было подставлять любую дату и разные географические названия в качестве переменной, и получались одинаково тошнотворные новости на все времена.

А мама всегда запрещала включать телевизор просто так – смотреть надо определенные программы, выбранные заранее, дающие пищу душе или уму, считала она. Человеку вообще не должно быть скучно с самим собой, духовно развитая личность никогда не станет заглушать свой внутренний голос и от самой себя прятаться и всегда найдет, о чем поразмышлять в уединении. В конце концов, можно вспоминать все стихи, какие знаешь, – начиная с самых детских. Это и память великолепно тренирует. Мама тренировала Варину память еще и тем, что рассыпала на столе несколько спичек и прикрывала их бумагой, а Варя пыталась воспроизвести точно такую же композицию. Потом, правда, они стали брать для этого счетные палочки, потому что спички детям не игрушка.

Варя выключила телевизор. Хмурая, дождливая наступила осень... Барка жизни встала на большой мели... Мой милый, что тебе я сделала?.. Где веселье, где забота, где ты, ласковый жених?.. Ты меня не любишь, не жалеешь... Ну и что ж! Пройдет и эта рана, только горько видеть жизни край...

Безнадежность просто звенела в нежилом воздухе!

Папа хоть бы обои новые наклеил! На те деньги, которые он вбухивает в бесконечные погребца, можно было бы... А для кого, если она здесь не живет? И никто не живет? И сам он почти не живет?

Варе стало по-настоящему страшно, и она схватилась за телефонную трубку. Нет, не Зотову, конечно, звонить – это же неприлично. Хотя теперь было жаль, что прожеманилась и отказалась от ужина в «Трех пескарях». Надо было соглашаться! Сидела бы теперь среди людей и без этих ужасных мыслей! Она набрала домашний номер Лены. Не отвечает. И Никушка, как всегда, где-то носится, некому трубку поднять и сказать, где же его мамаша-трудоголичка. Уж не на работе ли? Позвонила на работу – тоже никого. Потом на мобильник – абонент временно недоступен. Что творится? Варя от досады принялась было за шоколадный рулет, свежайший, ароматный, с тонким налетом сахарной пудры, как телефон вдруг зазвонил сам. Она даже вздрогнула.

– Варенька? Ну, наконец-то ты дома!

Это была Аня, и первые пять минут ушли на извинения по поводу неудачного новоселья у Игорька. А потом последовала просьба:

– Помнишь Гарольда и Марту? Они завтра сюда приезжают, к своим родственникам, то есть к Фольцу, он же твой одноклассник, да? А он им гида нашел, город показать, музей, праздник – самому некогда, весь в работе, да и немецкий плохо знает. А завтра у него вообще совещание какое-то грандиозное, с мэром, удрать никак не получится – так вот, ты не могла бы этих немцев этой девушке-гиду представить? Ты единственная, кто знает их в лицо. А то еще потеряются...

Гарольда и Марту, пожилую супружескую пару из Гамбурга, Варя помнила хорошо – не так давно они путешествовали по Золотому кольцу и приезжали в Переславль, и тогда Роберт Фольц звонил ей и просил показать им достопримечательности. И Варенька все свои выходные показывала, а туристы потом неплохо заплатили. А здесь, значит, для этого еще кого-то нашли, через Аню-экскурсовода. Ну и слава богу! Ей сейчас совсем не до немцев – личную жизнь надо строить! И в тоску и уныние впадать тоже совершенно неправильно и не вовремя.

И Варя, заверив Аню, что все сделает, и еще раз безрезультатно позвонив Лене, положила в пакет чудом найденную папку и отправилась к подруге домой. Придет же та ночевать когда-нибудь! И она, Варя, приткнется где-нибудь у Берестовых – сама на лавочку, хвостик под лавочку, папочку поперебирает, никому не помешает. Ей никак нельзя сейчас оставаться в пустом доме, в старых стенах! Она тут с ума сойдет.

* * *

В конце улицы, у Уважаемого Дерева, Варя остановилась и еще раз набрала Ленин номер.

– Варвара-краса, куда путь держишь? Налево пойдет – коня потеряет, направо пойдет – женатой будешь... Или как там – замужним!

Из-за шишковатого, в глубоких морщинах ствола появился улыбающийся Павлик Медведев.

– Безлошадная я, – вздохнула Варя, оставив вариант «направо» без комментариев. – И до Ленки вот никак не дозвонюсь – прямо не знаю, идти к ней или нет.

– Конечно нет, – незамедлительно последовал ответ, – конечно, не дозвонишься. Ее сейчас на летучку какую-то к мэру уволокли, по поводу Дня города. И Гошку, и всех, кто задействован. Один я отвертелся! – похвалился Павлик. – Домой иду, детям время уделять.

Варя не поверила:

– Чего выдумываешь, мэр завтра утром всех собирает, я точно знаю. И чего Лене у него делать, ума не приложу.

– А чего прикладывать-то, – махнул рукой Павлик. – Она букетами занимается – молодежков будут награждать, ветеранов, юбиляров там всяких заслуженных, почетных граждан города. Да на летучке она – зуб даю! Думаешь, прикалываюсь? Гошка сказал, сейчас по дороге попался. А утром тоже собираются, на генеральный смотр. А я отвертелся! – еще раз похвалился он.

Было похоже на правду, и Варя разочарованно развернулась, чтобы идти домой. Конечно, у Лены мобильный отключен, и когда она вернется, непонятно, и будет ей тогда не до гостей с расстроенными нервами. И почему друзьям не дают отпуска всем одновременно! И почему праздники не происходят сами по себе, как хорошая погода, – непременно кто-то должен съездить и заморачиваться!

– А ты куда это? – осведомился Павлик. – Я же тебя на пирог приглашал. Пошли-пошли, с детьми познакомлю, сад покажу!

Розовая акация

Показывать пришлось сначала детей. Дочка Павлика, лет семнадцати, несмотря на холод, что-то делала в саду. Когда она подошла поздороваться, Варя так и ахнула: какая красавица! И как похожа на Медведева! Просто всего себя вложил – и светлые кольца волос, и глазищи. Только копия получилась улучшенной, с оттенком утонченности вместо бесцеремонной души нараспашку. Что это она тут в земле возится, вместо того чтобы на дискотеке красоваться, с такими-то кудрями?

– Марина, моя старшая! – представил дочку Павлик, нисколько не скрывая своей отцовской гордости, которая из него так и рвалась наружу вместе с улыбкой. – А это Варя Воробьева, мы в школе вместе учились! Надо ее скорее поить-кормить. Представляешь, старушку-то кокнули – это прямо рядом с ее домом! Она теперь там ночевать боится, между ними даже забора нет. Ну, мы куда ее и не отпустим, правда?

– Ну что ты, Павлик, не выдумывай, – забормотала Варя, поражаясь, как Медведев с ходу определил и что она боится, и что домой не хочет – только интерпретировал в своем духе, целую комедию разыграл. Неужели это так бросается в глаза? Впрочем, у него всегда был глаз наметан, он сразу выуживал из человека то, что тот меньше всего хотел бы в себе обнаружить.

С крыльца кубарем скатились руки-ноги, собачьи пятнистые лапы – все вперемешку, полетела палка – и огромный бело-серый дог махнул за ней через клумбу. Варя отскочила в сторону.

– Чего не выдумывай? – Перед ней стоял худенький взлохмаченный мальчик. Он пояснил: – Я – Павлик. Чего не выдумывать? Здрасте.

Медведев со счастливым смехом рекомендовал ей младшенького, трепля его по голове и спине, и прибежавшего с палкой дога, точно так же трепля и его. Дога звали Рольд, и Варя сначала порадовалась, что огромная пасть занята палкой, а потом применила на практике умение правильно знакомиться с собаками. Пока Рольд обнюхивал ее ладонь, Медведев пересказывал сыну историю про старушку и дрожащую от страха Варю, только теперь к отсутствию забора прибавилось привидение, которое – как мерещилось, разумеется, Варе – бродит в сумерках среди кустов малины и смородины. Отсутствие преграды подчеркивалось – как будто призраку помешал бы забор... Павлик таранился на Варю с живым интересом, а Марина незаметно поправила брату воротничок курточки и шепнула что-то отцу, который остановил поток своих фантазий и хлопнул себя по лбу:

– Точно, пирог-то! Пойдемте скорей!

В доме Варя сразу почувствовала, что ей становится все лучше и лучше. Мрачных мыслей не осталось в помине. Наверное, оттого, что здесь было хорошо протоплено. А может, мягкие диваны в большой комнате с телевизором так и приглашали на них завалиться, подоткнув под бок разных размеров подушки, валики, а под голову положить вон ту «косточку», упругую на вид. Но Павлик – или лучше Пал Палыч? – тащил ее дальше, осмотреть дом. Варя успела на ходу заглянуть в огромную напольную глиняную вазу, больше похожую на горшок, и увидела в ней... тоже какую-то вазу, а в той еще что-то. Но задержаться было невозможно, потому что Медведев хотел показать какие-то витражи наверху.

– У нас гости, Пал Палыч?

В одной из дверей стояла маленькая, кругленькая, очень уютная женщина с глазами-вишенками.

– А, ну да, наш пирог! – оживился Медведев. – Это наша Дарья Васильевна, помощница по хозяйству. Какой печет пирог со щавелем – ешь и обо всем забываешь!

– Как это – со щавелем? – удивилась Варя. С зеленым луком и яйцом – это понятно, это классика, а щавель ведь трава.

– А пойдете покажу, расскажу! – гостеприимно указала на кухню Дарья Васильевна, и девушке ничего не оставалось, как проследовать теперь уже за ней.

Но ни рецепт, ни технология приготовления, слава богу, так и не были озвучены. Сам же пирог только что вынули из духовки, и он должен был отдохнуть и, как и всякий сладкий пирог, немного остыть – иначе, если разрезать прямо сейчас, вся вкуснота просто вытечет. Зато Дарья Васильевна предложила Варю кофе, да такой ароматный, горячий, как будто сваренный буквально только что, для нее. Или Варя подросла как раз к тому моменту, когда здесь готовят хороший молотый кофе?

А Пал Палыч, тоже прихлебывая из дымящейся чашечки, уже рассказывал Дарье Васильевне об убитой ужасом Варю, о погибшей старушке, о привидении и о том, что в соседском доме засела засада, милиция собирается накрыть бандитов, которые непременно вернуться, чтобы найти сокровища, которые не удалось вынести сразу. Остаться рядом с таким ужасным местом для Вари просто невыносимо, опасно для жизни, пояснил Павел. Дарья Васильевна реагировала так искренне, словно не сомневалась, что Медведев говорит чистую правду: ахала, всплескивала руками, жалостливо смотрела на Варю. А когда Пал Палыч отошел к телефону – с большим сожалением, ведь он только начал рассказ, – домработница подхватила тему:

– Кошмар какой! Прямо на нашей улице! А вы как об этом узнали? Да что вы говорите! Прямо туда пошли?! А зачем? За мальвами? Хотите, я вам зверобоя с липой заварю, сама в том году собирала? Ну, так с собой потом дам... А к Нюре Веретенниковой лучше было и не соваться, ничего бы не получили. Она, не тем будь помянута, из тех, у кого зимой снегом не разживешься. Еще и разоралась бы на всю улицу... Она, знаете, совсем одна жила, родню не жаловала, да и они к ней без надобности не заходили. Захворает разве что. Да она здоровая была как лошадь...

Тут Дарья Васильевна пояснила, что работает медсестрой и прекрасно знает и всегда поликлиники, любителей полечиться, и тех, кто не ходит туда никогда. Надо же, какую ценную помощницу по хозяйству откопал Павлик! Медсестра в доме с детьми – просто находка. По крайней мере, сама пироги напечет, сама же и помощь окажет, если кто-нибудь ими обьестся или отравится... Варя только хотела порадоваться, что переменяли тему, как Дарья Васильевна вспомнила:

– Ах да, Нюра-то! И кто ж ее так и за что? Ну, сварливая была, ну, жадная – но не убивать же за это, в самом деле! Хотя, может, и хотелось кому – да той же родне. Племянник ее на той неделе так и сказал – убить тебя мало, старая гримза! Да мало ли чего скажешь в сердцах. Это они ссорились опять, на весь двор горланили, я сама слышала...

Племянник? Неужели Игорек? – вяло удивилась Варя, прислушиваясь к веселым голосам, доносящимся из большой комнаты. Но в гостях как в неволе. Все, наверное, считают, что она и должна торчать на кухне с пожилой домработницей, что им вдвоем интересно – обмениваться рецептами, сплетничать... Придется терпеть и слушать.

– ...Он, видимо, опять денег приходил занимать, племянник-то, – предположила Дарья Васильевна.

Нет, на Игорюшка не похоже. Должно быть, кто-то другой, про себя не согласилась с ней Варя.

– Он вечно к ней за деньгами таскался, только не получал ничего, алкаш несчастный.

– Да откуда же у бабульки деньги? – усомнилась Варя, чтобы поддержать разговор. – Пенсия, что ли, огромная?

– Как откуда? Какая пенсия! Она же на рынке торговала. Садам-огородом не больно занималась, а все, что само вырастет, тут же на базар тащила. И грибы осенью – знала места, где собирать, да никому не говорила, конечно. Даже своим. В могилу и унесла свои тайны... И чернику, и клюкву продавала. Они дорого идут, если стаканом. Даже бутылки собирала, не брезговала! Да еще шила фартуки и мочалки вязала и носила по электричкам. Это уже зимой

– ее никакой холод не брал! Копейку к копейке складывала. Деловая. Сама хвасталась – сорок тыщ накопила на похороны. Памятник хотела с портретом. А племянник-то знал про сорок тыщ!..

Варю спас Павлик-младший. Он влетел на кухню с криком:

– Начинается! Начинается «Рекс»! Готовы булочки?

– «Комиссар Рекс», что ли? – переспросила Варя. – Сериал? Про полицейскую собаку?

Он вроде лет десять назад шел.

Оказалось, тогда Медведевы сериал пропустили, а сейчас его повторяют как нельзя более кстати. Павлик, которого невозможно ничем накормить и который выглядел поэтому как Кощей, вдруг начал есть булочки с колбасой, как Рекс на работе. Они ему не надоедают, он их ест и ест, и душа теперь всегда спокойна насчет ужинов, пояснила Дарья Васильевна, она начала было с умилением рассказывать про Павлика, как растила его с годовалого возраста, когда Пал Палыч переехал сюда с детьми из Москвы, но Павлик перебил ее, обращаясь к Варе:

– А вы хотите «Рекса» с нами смотреть?

Варя не заставила себя упрашивать и тут же закивала.

– И булочки с колбасой будете? Или вы за фигурой следите?

– Буду! – решительно заявила Варя. – Чего за ней следить? Это все глупости. Колбаса «Докторская»? Сам тарелку понесешь или помочь?

Горка маленьких круглых булочек дразнилась розовыми колбасными языками с довольно вместительного блюда.

Дарья Васильевна провожала Варю и мальчика растроганным взглядом: гостя не только не чинилась и не кривилась от детской бестактности – она пожертвовала интересным времяпровождением ради чужого ребенка! А когда Варя с непритворным аппетитом умяла булочки, а потом сладкий пирог, не ссылаясь на свою пышную фигуру и всякие там диеты и отдавая честь стараниям домработницы, та была окончательно побеждена.

Варя же наслаждалась сердечностью этого дома. Павлик-старший хотел показать ей свои витражи во время рекламной паузы, но дети их не отпускали: все равно не успеть за две минуты, да и к тому же без солнца никакого вида нет. Павлик-младший окончательно принял Варю за свою, активно обменивался с ней комментариями по ходу фильма, и скоро она уже вместе с ним ахала, вскрикивала и подсказывала героям, что делать. Мальчишка был живчик – по дому носился, как по улице, а во время рекламы прыгал, катался по дивану, скатывался с него на ковер, снова залезал, вскакивал на диванную спинку и съезжал с нее вверх ногами, опять пикировал на пол, тормозил собаку... На экране Рекс радостно кидался обнимать хозяйку, валя его с ног, – Рольд делал то же самое. Старшие, однако, на них не цыкали, и вся эта суета почему-то не раздражала, а вызывала невольное желание тоже покувыркаться, Варя поймала себя на этой мысли, но сочла возможным лишь усесться вместе с новыми приятелями на ковре. Марина взирала на них слегка снисходительно – она, должно быть, ощущала себя здесь единственным взрослым человеком: Дарья Васильевна ушла, у нее было ночное дежурство в больнице, а Пал Палыч уже тоже сидел на ковре с тарелкой в руках.

Фильм закончился, и только Медведев повернулся к Варе, как Павлик подлетел к ней с шахматной доской:

– Вы играете? Ну все равно, я уже фигуры расставил и первый ход уже сделал – у меня белые!

– А это что за львы и зайцы? – присмотрелась Варя. – Из киндер-сюрпризов, что ли?

– У нас несколько пешек и фигур куда-то закатились, – объяснил Павлик. – Давным-давно. Вот папа устраивает ремонт – найдутся, наверное. А не найдутся – и не надо!

Почему «и не надо», Варя поняла сразу же, когда фигурка львенка, вместо того чтобы чинно передвинуться на два поля вперед и там остановиться, рванулась прямо в ее ряды и сожрала пешку.

– Ты куда?! Ты чего?! – возмутилась Варя. – Думаешь, я совсем уж чайник, совсем уж ничего не понимаю в шахматах!

Одно дело – чуть-чуть подыграть балованному мальчишке, да ей бы и подыгрывать не пришлось, она только элементарные правила знает, но терпеть откровенную наглость – нет уж, не дождется! Но дело оказалось не в наглости.

– Это же лев, – растолковал Павлик. – Он при всем желании не может ходить, как пешка. Рванулся из засады на свою добычу, разогнался, прыгнул – и готово! Если в игре есть слон и есть конь – почему не может быть льва? Он у нас давно уже постоянная фигура и ходит по своим правилам. Прыгает на сколько хотите полей вперед, но только вперед. Запомнили?

– Ну ладно, – пробормотала Варя.

Она заметила среди своих черных фигур симпатичного бегемотика в поварском колпаке. Профессия, конечно, у него мирная, но сейчас она тоже придумает, как его использовать в военных целях... Однако прыгать бегемоты не умеют, ломиться, давя своих, нельзя, и Варя пока выставила его на передние позиции, чтобы следующим ходом протаранить армию Павлика. Но противная акула на водных лыжах налетела и бегемота сожрала – Варя только заморгала. Так она за одну минуту с пустой доской останется! Марина и Пал Палыч с азартом наблюдали за сражением, которое становилось нешуточным.

Варя нахмурилась. Великолепным щелчком сбила с доски собственную пешку – та полетела под шкаф. Ничего, при ремонте отыщется! Или при генеральной уборке. Потом еще пару пешек. И заменила их дракончиком, пингвином и лягушкой – присмотрев их в коробке для «съеденных» фигур. Усилив таким образом армию, подняла в воздух дракона – захлопали перепончатые крылья – и обрушилась на Павликова слона.

– Это моя авиация, – хладнокровно пояснила она. – Видишь, дракону под силу справиться со слонем. И не вздумай наслать на него какого-нибудь жалкого кролика – вмиг спалит, он у меня огнедышащий.

Павлик зааплодировал и в восторге завалился на ковер.

– Ура! Вы по-настоящему играете, не как другие взрослые! Другие только злятся или хотят скорее отделаться!

– Это какие еще другие? – заинтересовалась Варя. Здесь, значит, всех гостей проверяют на вшивость?

– Майор Фольц всегда проигрывает и всегда сердится! Дядя Алик тоже проигрывает и возмущается, что у него разряд по шахматам, – перечислял Павлик. – Дядя Георгий сразу вынимает какой-нибудь подарок, когда я начинаю к нему приставать. Он ими заранее запасается, когда к нам идет. А дядя Боря, который доктор, любит наши шахматы, только он в Москву переехал...

– Так вы собираетесь, как раньше? – повернулась Варя к Медведеву, услышав знакомые имена одноклассников.

– Еще как, – подтвердил Павлик-младший и очередным ходом вернул Варине внимание к доске.

Через минуту он выиграл, и во второй раз тоже.

– А теперь, – вмешался Медведев-старший, – пойдем покажем Варе витражи!

Варя прыснула.

– В «Незнайке в Солнечном городе», – объяснила она, – архитектор Кубик, кажется, все время хотел показать Незнайке, Кнопочке и Пестренькому какие-то необыкновенные дома архитектора Арбузика. И все время им что-то мешало! То они сначала на швейную фабрику попали, потом еще куда-то.

– В Солнечный парк! – подсказала Марина. – Где шахматные автоматы! С ними бы Павлику сыграть, а не Незнайке! А потом сразу ветрогоны начались.

– А до этого инженер Клепка таскал их еще по всяким фабрикам – где книжки делают, мебель, телевизоры? А бедный Кубик все спрашивал: а когда же дома Арбузика?

Пока Варя с Мариной вспоминали последовательность событий в любимой книжке, из прихожей прибыл Павлик, держа в одной руке пакет, а вынутую из него папку с матерчатыми завязками – в другой.

– А это что? А посмотреть можно?

Тут уже ему было сделано замечание строгим голосом насчет чужих вещей, но Варя махнула рукой:

– Это не чужие, это мои... Вынимай, если интересно. Только осторожно, они там хрупкие.

Но Павлику оказалось это не очень интересным, а вот Марина так и прилипла к Вариним листам.

– Картины из цветов? А как их делают? А это что будет? А правда, что из этих трав варили приворотное зелье? Разве чистотел и одуванчик – колдовские? Вот не знала... И обыкновенная рябина? И обыкновенный лютик? Вот это да! А вы только картину хотели составить – а сам напиток не собирались варить?

Ответы требовались подробные, и Варя отвечала, и про зелье, что его все равно нельзя было варить, потому что она упустила время и не смогла собрать молочай и чернوبыльник. Редкостную аралию раздобыла, в чьем-то саду выпросила, а паршивый сорняк пропустила, думала, с ним всегда успеется – и вот осталась без молочая. И еще жемчужницу не нашла, уже без нее собиралась начать. Но все казалось, что еще чего-то недостает, какого-то важного, центрального элемента, на котором строилась бы композиция...

– А у меня есть в саду! – обрадовалась Марина. – Есть жемчужница! Это многолетник такой, да? Мелкие белые корзиночки? Хотите посмотреть?

И они переместились в сад. Павлик-старший обреченно вздохнул и пошел к себе, поняв, что витражи Арбузика до темноты показать не успеет.

* * *

К жемчужницам они продвигались медленно, потому что Варя то и дело останавливалась – то у тонкоствольных акаций с резными перистыми листьями, которые – подумать только! – с наступлением темноты складывались и засыпали, то перед цветником, который представлял собой лабиринт, большой и затейливый. Павлик с Рольдом носились по нему, а когда оказывались в тупике, то просто перемахивали на соседнюю дорожку. Марина поглядывала на них, но без особой тревоги: должно быть, все в доме давно смирились с тем, что эти двое – стихийное бедствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.